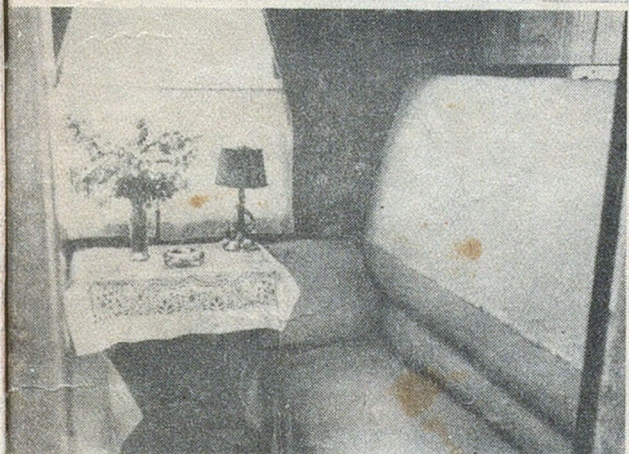

Перед отходом поезда прямого сообщения Москва—Варшава. Обслуживающий персонал убирает и моет вагоны.

Прекрасный вагон-ресторан сверкает чистотой. Всё готово к приёму пассажиров.

Купе также чисто и уютно. На столиках всюду свежие цветы.

Поезд отправляется через несколько минут. Группа польских офицеров прощается с провожающими. Они уезжают в Варшаву.

Москва— Варшава

Москва 20
П. 9.205
1. 1. 1945

«НЕЙТРАЛЬНОЕ» БАНДОУБЕЖИЩЕ

Притоносодержатели и их клиенты.

Рис. Бор. Ефимова

Огонёк

№ 24 (943)

Воскресенье, 17 июня 1945 года

В номере:

ПРОЗА

С. Марвич. — Два полковника. Рисунки А. Шульца.

ОЧЕРКИ

А. Гуторович. — Падение рейхстага. Фото В. Гребнева и Я. Рюмкина.

СТИХИ

А. Коваленков. — Три сонета.

Ал. Прокофьев. — Вместе снова.

РЕПОРТАЖ

Л. Кассиль и Н. Герасимов. — Мир должен знать, видеть, помнить это. Люди и события. Н. Владова и А. Узлян. — Возрождение вещей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Поэт-трибун — памяти Демьяна Бедного. Б. Халип — Учёные-артисты. Ж. К. Художники театра. Фильм-сказка «Кашей Бесмертный». Ш. Вядро. — У народного художника СССР А. А. Шовкуненко. Е. Канн. — Из истории «Ивана Сусанина».

ЮМОР

Евг. Бермонт. — Фурункул. Рисунки Б. Фридкина

НАУКА И ТЕХНИКА

Е. Л. Кринов. — Небесные камни.

ЗА РУБЕЖОМ

Л. В. — Триест—Истрия. В предместьях Мадрида. Рельефная карта.

СПОРТ

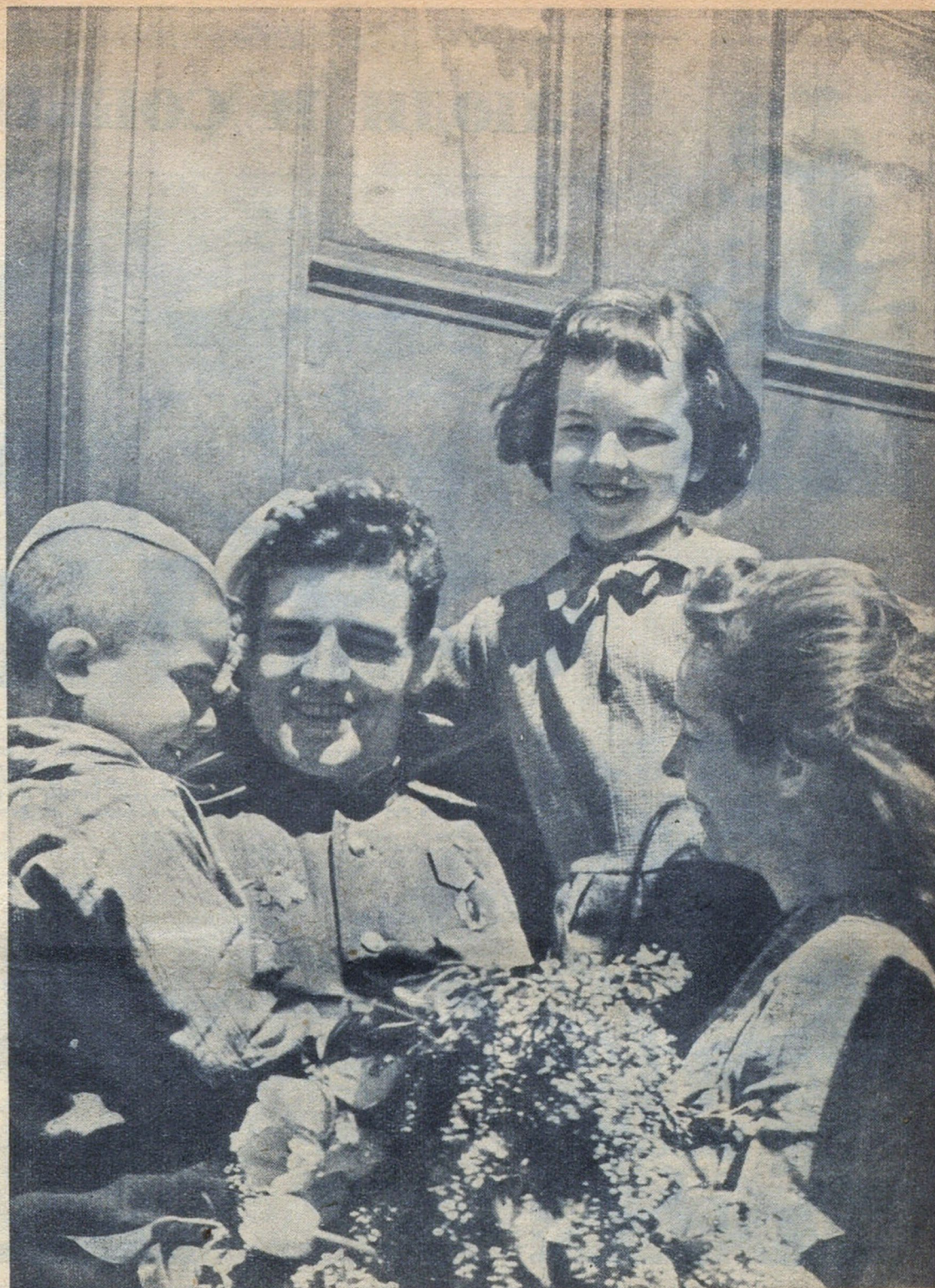
ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

СМЕСЬ

ШАХМАТЫ

ШАШКИ

КРОССВОРД

Долгожданный день наступил. В родной город — Ставрополь — к своей семье вернулся с победой Герой Советского Союза Михаил Кузьмич Замула.

Фото О. Пожарского

ВЕСНА И ПОБЕДА

Сергей Васильев

Весна и победа.

Дни песен и света.

Два дивно скрестившихся ясных луча.
Два счастья.

Два свежих, два пышных букета,
завязанных яркой тесьмой кумача.
Не длинные вопли воздушной сирени,
не темень,

не брызги стекла и камней —
упругие гроздьи весёлой сирени,
сиянье,

сиянье,

сиянье огней.

Не ужас пожара,
не мрак подземелья,
не тяжесть тревожных холодных ночей —
поток ликования,

раскаты веселья,
хозяйский, приветливый гомон грачей.
Не горечь разлук, не прощальные речи,
не тайные вздохи предчувствий глухих,
а близкие,

полные радости встречи;
не письма,

а руки, писавшие их!

Весна и победа! Весна и победа!

Промчатся года,

прошумят времена.

Как сумрачный призрак далёкого бреда,

припомнится дымное слово: война.

Но люди отваги, дела их святые,

герои атак и герои труда

в широкой груди благодарной России
оставят торжественный след навсегда.

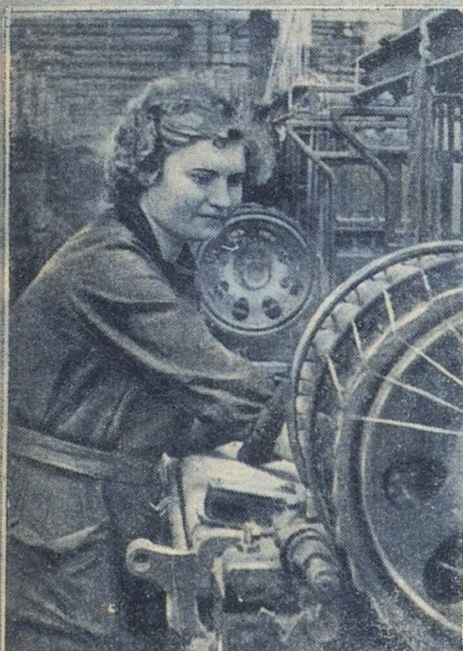
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

Иван Филатов начал свой боевой путь рядовым лётчиком под Сталинградом. Закончил войну командир эскадрильи Герой Советского Союза гвардии лейтенант Филатов в небе Берлина.

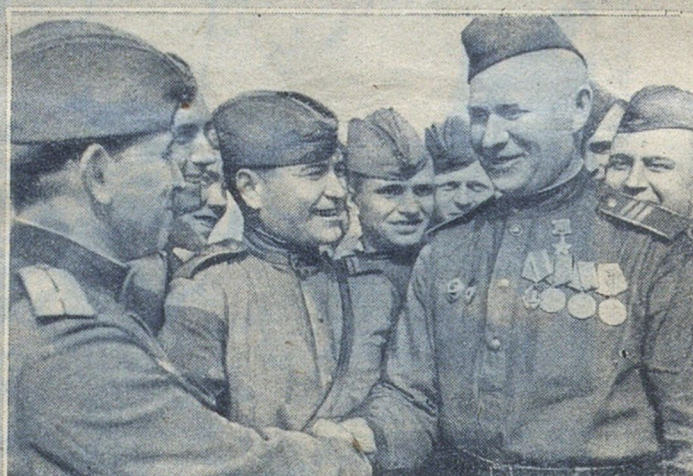

От Курска до Берлина прошёл с боями Герой Советского Союза механик-водитель танка гвардии старшина Михаил Кротов — бывший тракторист Пинежского района, Архангельской области.

Жена офицера К. Ф. Абрамова по фронтовому работала во время войны ткачихой на Ивановском меланжевом комбинате. Сейчас она перешла на обслуживание 12 станков вместо 10 и выполняет нормы на 188%.

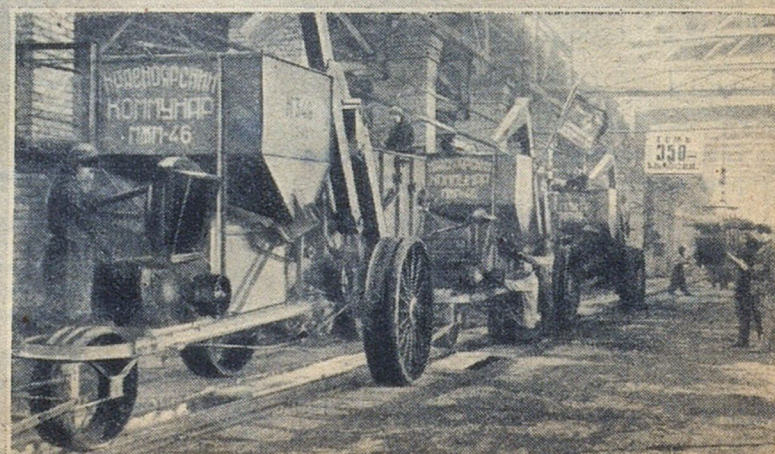
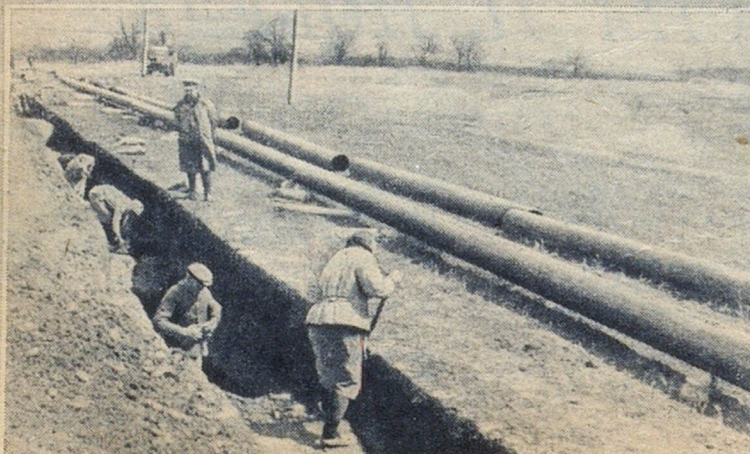
Колхозу «Вторая пятилетка», Ипатовского района, Ставропольского края, присуждено Красное знамя райкома ВКП(б) и райисполкома за досрочное и отличное проведение весеннего сева. На снимке: секретарь Ипатовского райкома ВКП(б) И. Н. Карпелкин вручает знамя председателю колхоза А. В. Демченко.

Наводчику орудия гвардии сержанту А. Г. Чумову недавно присвоено звание Героя Советского Союза. На снимке: товарищи по оружию поздравляют отважного наводчика с высокой наградой.

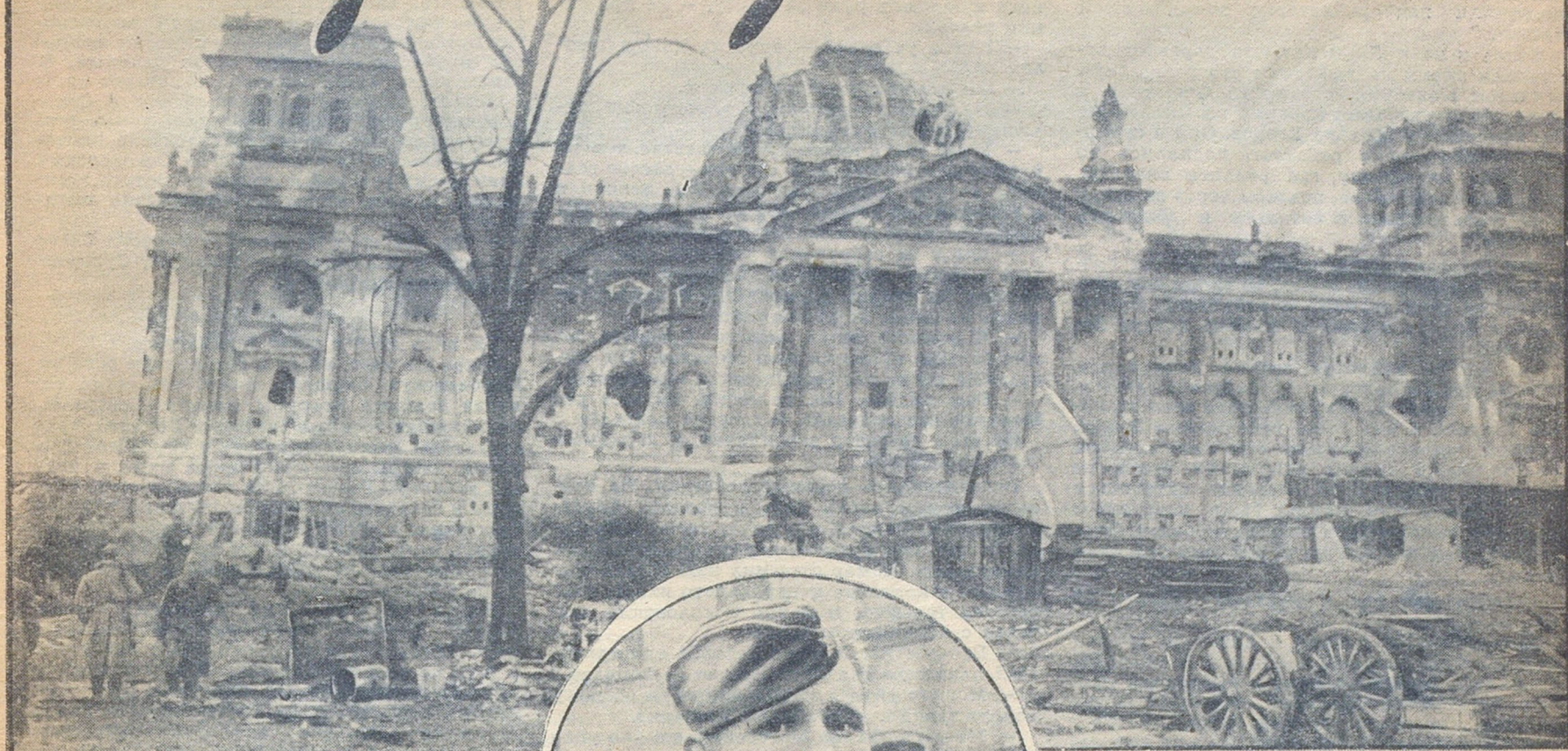

Горловский машиностроительный завод имени Кирова в связи с 50-летием недавно награждён орденом Трудового Красного знамени. На снимке: планировщик механического цеха Горбатенко, работающий на заводе с первых дней его существования.

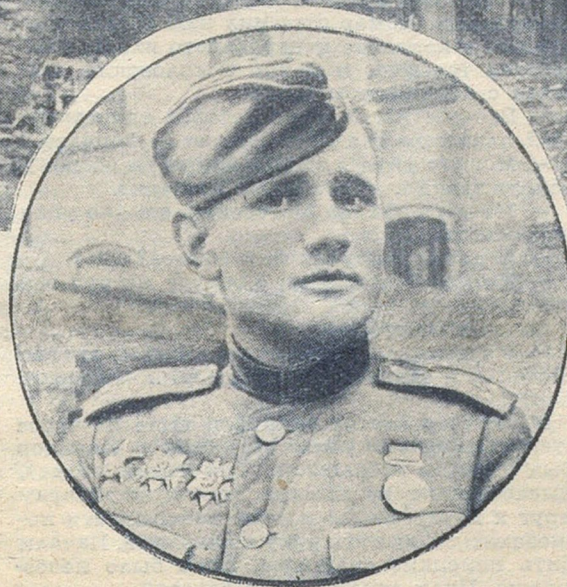

На снимке слева: строительство газопровода Саратов — Москва. Колхозники артели «Памяти Ильича», Татищевского района, Саратовской области, роют траншеи для укладки труб. На снимке справа: сборка комбайнов на главном конвейере Красноярского комбайнового завода. Построенный в годы войны завод недавно вступил в строй действующих и уже дал стране более 350 комбайнов.

Падение рейхстага

Ал. Гуторович

Капитан С. А. Неустроев. Батальон, которым он командует, первым ворвался в здание рейхстага. Вверху: здание рейхстага.

Уже пять дней я живу в рейхстаге. Окна моей комнаты выходят на Королевскую площадь. Ежедневно я встречаюсь с солдатами и офицерами, которые брали штурмом рейхстаг, и, мне кажется, пришло время рассказать, как это всё произошло.

Сейчас даже трудно представить, как выглядела эта площадь раньше. Наверное, сотни автомобилей бежали по асфальту, пышно цвёл парк Тиргартен с благоухающими клумбами, с фонтанами. Деревья заглядывали в верхние этажи рейхстага, и тысячи штурмовиков в жёлтых мундирах, под оркестр, как заведённые машины, маршировали по площади, готовясь покорить мир.

Но как меняются времена! Я сажусь к окну, беру карандаш, и вот вам с натуры Королевская площадь 2 мая 1945 года. Парка Тиргартен нет, если не считать жалких пней и обуглившихся стволов деревьев. На железном столбе ослепшего фонаря ключья зелёного немецкого мундира. Странно, что его так высоко занесло от хозяина! Вся площадь изрыта окопами, траншеями, воронками от бомб, завалена мёртвыми деревьями, и очень похожа на дровяной склад. Брошенные пушки, окрашенные, как зебры, окружают площадь. Было бы страшно, если бы на их стволах не стояла умиротворяющая меловая надпись: «Учено. Зорин». Много разбитых автомашин. Трупы с рыжими копнами волос, расплывшиеся на земле танками, цемент, бетономешалки, узкоколейка, мешки с песком — признаки запоздалых усилий спасти рейхстаг.

— Мы начали бой за рейхстаг на мосту Мольтке, — сказал мне командир полка Ф. М. Зинченко, первым ворвавшийся в рейхстаг.

Я помню этот мост. Вода в Шпрее казалась золотой от заката солнца. Ещё живые деревья отражались в воде чудовищными великанами. Но этого никто не замечал.

— Солдаты! Через квартал, за Шпрее, рейхстаг. Здесь должно быть водружено знамя победы, — сказал полковник. — Мы первые вышли сюда, весь мир будет знать о тех, кто

первыми ворвутся в рейхстаг. Так неужели наш полк не достоин этой исторической чести?

...Королевская площадь представляла необычное зрелище. Солдаты, ночью проникнув на площадь, залегли за разбитыми автомашинами, в немецких окопах, вырытых прямо посреди площади, и стреляли в рейхстаг. Через их головы били наши орудия, танки. Из окон военного министерства строчили пулемёты, немцы забрасывали площадь фауст-снарядами и минами. Из парка, со стороны Крольоперы, падали тяжёлые снаряды, то и дело поднимая над площадью чёрные столбы земли, кусты, обломки дубов и акаций. Не то что подняться во весь рост, а высунуть голову было рискованно. И солдаты батальонов капитана Неустроева и капитана Давыдова, лежавшие впереди всех перед рейхстагом, высовывались осторожно только при стрельбе и с нетерпением ждали сумерек.

Площадь напоминала весеннее поле, покрытое маками: так много здесь было знамён и флагов. На дальних улицах от рейхстага, где ещё шли бои, воинские части, пробивавшие путь к рейхстагу, тоже двигались со знамёнами. Всем хотелось первыми водрузить знамя победы над рейхстагом. Артиллеристы из-за Шпрее, бьющие по рейхстагу с закрытых

Фото В. Гребнева и Я. Рюмкина.

позиций, прислали делегацию со своим знаменем. Оно было бархатное с силуэтами Ленина и Сталина. Повар из соседнего двора, где стояла его кухня, приполз в белом халате в траншею и упрасивал солдат роты Сянова взять его флажок. На флажке белыми нитками вышито: «Что, выкуси? С приветом повар Загоруйко». Видимо, повар подразумевал Гитлера. Солдаты смеялись, называли повара кто «доктором», кто «папашей» и обещали прибить флажок на рейхстаге как можно выше.

Бой между тем становился всё ожесточеннее. Немцы ввели в действие дальнбойную артиллерию. Все дома на площади у рейхстага стреляли. Подошли «тигры», но они боялись выйти на открытую площадь и стреляли термическими снарядами из-за углов правительственных зданий, занимавших целые кварталы. Наши солдаты точно вросли в землю, никто не отполз назад ни на метр. Связисты исчисляли расстояние до рейхстага в одну катушку телефонного провода. Рота Сянова уже читала надпись, высеченную золотыми буквами на стене рейхстага: «Германскому народу». Батальон Давыдова уже слышал стоны раненых немцев, но огонь никому не позволил подняться до ночи.

Штурм начался 30 апреля, в 22 часа 55 минут по московскому времени. Это был первый штурм за все годы Отечественной войны, когда бойцы поднялись в атаку без приказа. Вот как это произошло. Кто-то из глубины парка Тиргартен стал прощупывать лучами прожектора мрачное здание рейхстага. Сначала голубой луч света обшарил массивные ступени входа, побегал по стене, в которой зияли дыры от снарядов, и затем медленно поднялся по колонне вверх к крыше. И вдруг все лежавшие на Королевской площади увидели над рейхстагом большое красное знамя. Ветер играл им. Развевающееся знамя напоминало Кремль, Смольный, Сталинград. Из рейхстага по прожектору стали стрелять пулемёты. Значит, в рейхстаге немцы? Кто же и как смог поднять там знамя? Кто так насмеялся над противником? Кто живому ещё

гарнизону немцев, отчаянно дерущемуся за рейхстаг, уже вынес смертный приговор? Знамя подняло солдат в атаку. Майор Соколовский только успел крикнуть: «Товарищи, завтра Первое мая. Порадуем товарища Сталина: ворвёмся в рейхстаг!»

И тогда всю ночь все телефоны и походные радиостанции, находящиеся в Берлине, передавали на свои командные пункты: «Сейчас водрузили над рейхстагом знамя нашей части».

Узнал и полк Зинченко, что первыми водрузили знамя на рейхстаге его разведчики Мильтон Кантария, столяр из Очемчири, в Абхазии, и рабочий-торфяник из Смоленщины комсомолец Михаил Егоров. Они в сумерках пробрались в рейхстаг, поднялись по лестнице на крышу, где рвались снаряды, водрузили там знамя, ползком через площадь вернулись обратно в батальон и доложили об этом.

Все делегаты-«флажисты», как их тут прозвали, от всех родов войск, во время боя прикрепляли свои знамёна к рейхстагу. Прилепали к фасаду здания и флажок повара Загоруйко.

Но бои за рейхстаг только начинались. Немцы ушли в подвалы и отказались сдаться. Глубокие подвалы тянулись подо всем зданием. Драться в них было невозможно. Узкие, тёмные, зигзагообразные, они тянулись на километры, и немцы открывали огонь по всем, кто пробовал по лестнице спуститься вниз. Кроме того немцы были вооружены особыми пистолетами, с электрической батареей. При нажатии на курок свет ослеплял цель.

Первого мая бой в рейхстаге длился 12 часов.

Батальоны Неустроева и Давыдова заняли первый этаж, закрыли все входы в подвалы, пробившись на второй этаж и выбросили немцев. Установили пулемёты, что было важно сделать, так как восточная часть рейхстага с прилегающими к ней улицами ещё находилась в руках немцев. Батальон Неустроева расположился в северной части здания, южную часть обложили бойцы из других

полков. Немцы к вечеру выбросили белый флаг и запросили парламентёров. Дивизия поручила вести переговоры майору А. В. Соколовскому.

Он спустился в подвал, и между ним и капитаном немецкой армии комендантом рейхстага произошёл следующий разговор:

— Мы готовы подняться вверх из подвалов, — говорил комендант, широко расставив ноги и заложив руки за спину, — но при одном условии.

— Какое условие? — спросил майор Соколовский.

— Вы должны сложить оружие.

— На каком основании? Кто же у кого, по-вашему, сидит в подвале?

— У вас тактическое преимущество, у меня преимущество в силе. У вас сто — двести солдат, а нас здесь тысячи. Вы вскочили в рейхстаг, но отсюда обратно не уйдёте. Мы простреливаем каждый метр площади.

— Мы и не собираемся уходить. Знаменитый русский полководец Суворов говорил: «Воюют не числом а умением». Я придерживаюсь на войне этого принципа.

— Я немного читал вашего Суворова, но мне больше нравится наш Мольтке. Он писал: «На войне нет безвыходного положения».

— Вам виднее. Но, по-моему, на этот раз Мольтке вас подведёт, и здорово подведёт.

На этом разговор закончился, и парламентарии разошлись.

Возобновились военные действия. Из подвалов немцы стали бить в потолок фаустснарядами. Зажгли северную часть рейхстага. Загорелись архивы, картотеки, переписка канцелярии. Пожар отеснил наш батальон и прижал в коридоре центрального входа. Ещё работал телефон, и майор Соколовский связался с командиром полка.

— Всё в огне. У меня остался единственный плацдарм для наступления — коридор.

— Можете уйти и занять круговую оборону вокруг здания, — приказал Зинченко.

— Не могу, Фёдор Матвеевич, стыдно уйти из рейхстага.

— А какое настроение у бойцов?

— Не кладите трубку, я сейчас же при вас спрошу.

Солдаты зашумели:

— Уходить из рейхстага? Чтo-бы другие подошли и заняли? Лучше смерть, чем такой позор!

В коридор влетел снаряд и вылетел через стену. Осколками убило пять бойцов. Коридор был узкий и небольшой. Три сотни солдат, выскочившие из пожара, стояли впитирку друг к другу, не было даже возможности пошевелиться, вынуть руку из кармана. Начали бить немецкие снайперы. Лечь было невозможно. Пули свистели над головой.

— Никакой паники! Полнейшая тишина! Стоять насмерть! — тихо командовал майор Соколовский.

В страшной тишине солдаты, казалось, чувствовали, как ветерок от пуль шевелит волосы на голове. К счастью, снайперы били высоко.

Майор подумал о том, что немцы могут вылезти из подвалов и ударить ему прямо в спину. Надо было что-то быстро предпринять. Он приказал сделать брешь в стене. Оставался один выход — сквозь пламя и дым пробежать в подвалы и завязать там бой.

Так и сделали.

Ночью наши радисты поймали на волне 85 метров немецкую радиостанцию «56 АК», которая передавала из подвалов рейхстага: «Согласны капитулировать. Жду парламентёров на восточной окраине рейхстага. В случае согласия опознавательные знаки — зелёная, красная, белая ракеты».

Переговоры снова ничего не дали. Немцы отказались от капитуляции. Видимо, они просто выгадывали время, надеясь, что к ним придут на выручку.

Явились с белым флагом два немецких врача. Сдали в плен госпиталь. Заявили, между прочим, что в 4 часа утра 2 мая немецкие части покинули подвалы рейхстага, уйдя потайными ходами в город.

Соколовский решил боем проверить сообщение врачей о том, что противник якобы ушёл из подвалов. Немцы оказались на месте. Больше того — из дивизии сообщили новый радиоперехват: комендант рейхстага радировал из подвалов командованию Берлина:

«Прошу срочно подослать снаряды фауст. Держу оборону, но выходов не имею». Соколовский отдал приказ начать штурм подвалов. Ворвавшись туда с помощью гранат, солдаты под землёй быстро расширили плацдарм. Немцы выбросили белый флаг и начали сдаваться.

Когда оставшиеся в живых 1700 немцев выстраивались без оружия на площади у рейхстага, санитары вынесли из горящего здания тяжело раненного майора Соколовского. Приподнявшись на носилках, он попросил пронести его вдоль строя пленных. В одном месте майор заставил санитаров остановиться. Комендант, который вёл с Соколовским переговоры в подвале, узнал его, хотя голова майора была перевязана бинтами, красными от крови. Когда Соколовский кивнул ему головой и строго посмотрел усталыми глазами, немец подобострастно вытянулся.

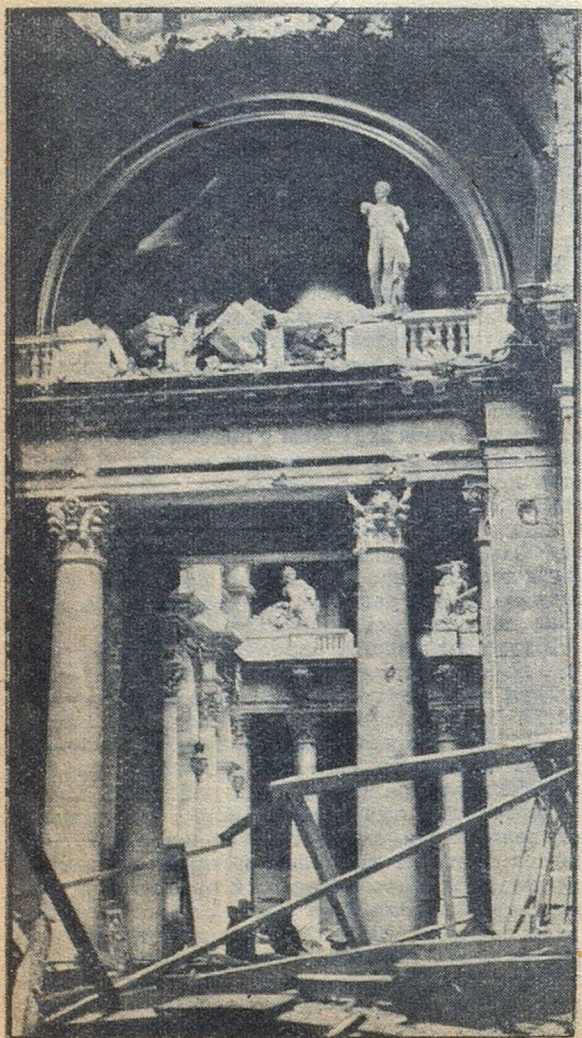
— Ну, как твой Мольтке? — спросил Соколовский и улыбнулся. — Выходит, Суворов-то русский сильнее, а?

* * *

Уж пять дней я живу в рейхстаге.

И каждое утро, когда я распахиваю окно на Королевскую площадь, вижу, как мимо тянутся зелёные колонны немцев. Генералы, окончившие военные академии Берлина, конструкторы «мессершмиттов» и самолётов-снарядов, авторы многочисленных книг о том, как победить Россию, а за ней весь мир, офицеры и солдаты, с помощью оружия и убийств бросившие к своим ногам всю Европу, бредут теперь мимо рейхстага, где присягали Гитлеру, окончательно убеждённые в непревзойдённой русской силе.

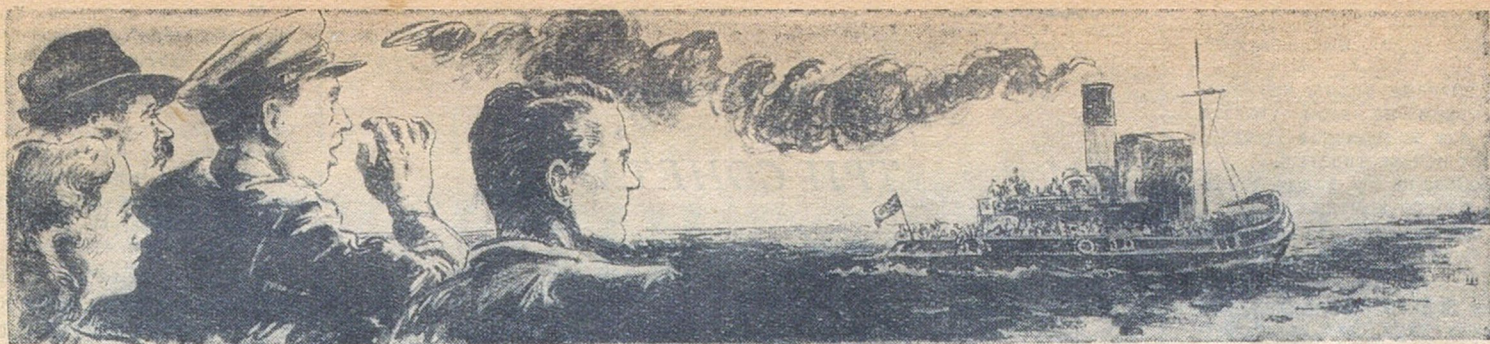
Война кончена. Как всё-таки хороша весна! Словы вернулись в мёртвый парк Тиргартен и по утрам поют, как у нас в Курске или на Украине. Вот и в Берлин пришла мирная тишина. Сегодня в рейхстаге первый концерт. Ради такого случая Фёдор Матвеевич Зинченко, комендант рейхстага, надел все свои пять орденов. Электростанция у него своя, стульев в рейхстаге для зрителей хватает, угостить гостей есть чем, так что концерт должен быть удачным. Придёт на концерт и майор Соколовский, хоть с повязкой на голове, но придёт: хочет повидать земляков, отвести душу за мирным разговором.

Зал заседаний рейхстага.

У входа в рейхстаг.

ДВА ПОЛКОВНИКА

С. Марвич

Рассказ

Рисунки А. Шульца

Только дважды они могли бы встретиться за двадцать лет. И не пришлось. Летом в Петергофе случайный знакомый, совершенно неизвестный Найтису человек, вынырнул на берегу из толпы и сказал, словно только для того, чтобы подразнить: — А ведь Дьяченко здесь. Видели?

— Где он? — торопливо, не ответив на поклон, спросил Найтис.

— На пароход садится. Найтис побежал по деревянному причалу. Он прорвался через турникет, хотя билета у него и не было. Люди уступали ему дорогу, думая, что это пассажир. А от трубы уже взлетело белое облачко. Найтис сложил ладони рупором и кричал на бегу, забыв, что пароходный гудок заглушает его:

— Лёня-а! Это я-а! Ста-а-а!

И ему казалось, что Дьяченко, весь в белом, стоит у кормы и также кричит, машет фуражкой. Он или не он? А вода под кормой уже пенилась, и матрос выбирал мокрую чалку.

Он поехал в Ленинград следующим пароходом, позвонил во все гостиницы, но Дьяченко не нашёл.

В феврале 1940 года человек, одетый в комбинезон лётчика, шёл на лыжах через озеро Пехти-ярви. Стоял жесточайший мороз, который на несколько дней прекратил войну и на земле и в воздухе. Мотор автомобиля заглох на том берегу озера — пришлось надеть лыжи. Человек очень торопился.

Уже темнело. Солнце садилось, необычайно красное для Севера, обещая на другой день такой же сильный мороз. Двумя пожарами да кривыми обледенелыми ветлами, на которых отсвечивал красный закат, открылся посёлок, наполовину сожжённый финнами при отступлении. В морозном безветрии над домами высоко вытянулись прямые столбы дыма.

Лётчик вошёл в дом, на стене которого висел флаг с красным крестом.

— Майор Дьяченко, — представился он медицинской сестре. — Мне говорили, что доктор Найтис здесь.

— Военврач первого ранга Найтис вызван в Москву, — ответила сестра. — Он уехал час назад. Вам к самому товарищу Найтису? Может быть, заменят его...

— Нет, не заменят.

Дьяченко повернулся к двери.

— Обогрейтесь, товарищ майор.

— Не стоит. До нас километра четыре. Так всего час тому назад? Да? Жаль.

Они так и не встретились, но порою, через таких же случайных людей, как тот, кто окликнул Найтиса в Петергофе, они узнавали друг о друге. Писем не писали оба. Каждый чувствовал, что начинать надо не с письма, а со встречи.

Однажды Найтиса позвали к телефону, и смеющийся женский голос сказал:

— Кланялся вам ваш друг-невидимка. Через час я уезжаю в Ростов. Он там. Изменился ли он? Мало. Совсем такой, как вы с ним сняты в

Виннице. Помните? Не забываете? Конечно. Ну на висках поблёскивает чуть-чуть. Здоров? Не жалуется. Да это ведь по вашей части. Оба вы увязли в работе. Я вам каждый день звонила, не могла заставить. Так что же передать от вас, друг-невидимка?

— Передайте, что вы мне понравились заочно; что он на правильном пути.

— Нашёлся, наконец.

Да... Леонид рассказал ей о Виннице, о весёлом и озорном времени. Тогда друзья поделили весь мир.

— Тебе весь без остатка мир клетки, мне — мир межпланетный, — говорил Леонид. — Спорных моментов нет, сферы влияния разграничены окончательно.

Это значило, что Стась, выпущенный из рабфака и ходивший в бумажных брюках, издала довольно точно имитировавших щегольские, чёрные в полоску, был принят в Медицинский институт, а Леонид, работавший неизвестно кем в ремонтных автомобильных мастерских, но представлявшийся девушкам, как помощник инженера, гонял самоучкой на ветхой прибудной, оставшейся со времён интервенции заграничной авиатке, которую молчицы за хриплый, жалостный вой прозвали бандурой.

Винница... Да разве можно забыть споры ночи напролёт, нередко лишь потому, что расpirало неуёмное желание поспорить; одноглазого старика-булочника, который держал под ватным одеялом горячие, как раскалённые камни, бублики и говорил подмигивая: «Что, у учёных товарищей нет даже на дырку от бублика? Я подожду до полочки?!» Разве можно забыть прозрачные весенние вечера, когда неясные волнения охватывали обоих, и здоровым парням становилось грустно? Или забыть старый дом, где под балконом они устраивали цирковую арену и схватывались во французской борьбе? Леонид был гораздо крепче, но Стась хитрее и ловчее, и одолеть его бывало нелегко. А когда Леонид одолевал, Гаша, дорогая и восторженная девушка, благоволившая к Стасю, голосом раненой птицы кричала в открытое окно: «Держись, гарнесенький!»

— Это я гарнесенький, Гаша? — спрашивал Леонид.

— Может, и вы, — обижалась девица, — только пусть вам скажет другая.

2

«Держись, гарнесенький», — слышит Леонид в то мгновение, когда сознание возвращается к нему. Но кто это сказал? Откуда этот голос? Леонид больше ничего не слышит.

Весь мир выключен для него. Он в бездонном провале. И никогда не сможет рассказать о том, что переживал в эти минуты, и никогда не вспомнит, если и вернут его к жизни, что слышал эти слова. Но, услышав их, он коротко вздохнул, и это было последним признаком того, что ещё раз человек увидел свой мир, что мучительная загадка озарила и задержала на кратчайшую долю секунды его гаснущее сознание. И всё померкло.

Вздрыгнул и человек, склонившийся над Леонидом. Помощники удивлённо поглядели на него. Что бы значили эти непонятные слова? Главный хирург фронта всегда оперирует молча, объясняясь жестами, предельно ясными, исчерпывающими в своём значении, которые тотчас начинают понимать даже новый человек. Только у большого, очень уверенного в себе мастера могут быть такие движения, которые точно говорят помощникам, что надо сделать.

Один из врачей сказал: «Когда Найтис оперирует, у него говорит каждый палец».

Но сейчас зачем это странное об-

ращение к больному, к которому уже не доходят ни шум, ни свет, ни боль? Все в операционной переглянулись.

Если бы с лица Найтиса упала марлевая повязка, поднимавшаяся до середины щёк, если бы упали большие очки, дужки которых также проходили поверх белоснежной марли, все увидели бы, как побледнел в эти минуты главный хирург фронта

Стась начал борьбу за жизнь Леонида, своего друга. Он не мог бы узнать его сейчас: широкие повязки накрест проходили по лицу; только глаза, закрытые глаза, подрагивающие веки видел Стась.

Минут пятнадцать тому назад Найтис собрался уезжать из госпиталя. В это время привезли Леонида. Ещё через пять минут Леонида приготовили к операции. Главный хирург фронта отложил свой отъезд.

Так они встретились.

3

Издали это могло показаться весёлой игрой. Машины словно салютовали одна другой своей ловкостью, изящным исполнением сложнейших фигур. Они врозь падали на сотни метров и подпрыгивали, как будто одна и та же невидимая пружина, сворачиваясь и разматываясь, подбрасывала их вверх и опускала к земле.

Для «мессершмитта» предполагали отвлечь на себя звено «Яковлевых», и когда «юнкеры» прорвутся вперёд, подразнить наших истребителей и выйти из боя. Отбомбившись, «юн-

Вздрыгнул и человек, склонившийся над Леонидом.

керсы» возвратятся другим курсом: на встречу уже будет выслано прикрытие.

Кажется, впервые немцы применяли такой приём на этом участке фронта. Но для полковника Дьяченко он не был неизвестностью.

Два истребителя по радио услышали голос своего командира:

— Не отпускайте «юнкерсов», «мессеров» беру на себя. Подтвердите.

И начался бой на вертикалях, бой одного против двух, пятьдесят четвёртый бой полковника Дьяченко. На пятой минуте — это засекли на земле — в небе остался только один немец. Другой, подрезав вершину сосны, лежал, распластавшись, на поле.

Дьяченко так близко сходил к вторым немцам, что видел его. В шлеме и в очках, которые скрывали лицо, он казался неподвижным истуканом, роботом, который заведён раз навсегда и так будет сидеть у приборов, на месте, пока его не сломают.

Но этот робот хорошо знал своё дело. Как пёстрая татуировка, на борту его машины были видны разные знаки. Действительно ли он сбил столько машин или, как дикарь, заранее ставил эти знаки, веря, что закликает ими судьбу? Или это только ложь?

Однако бой на вертикалях он вести умел. Бой шёл в нарастающем темпе. У Дьяченко было преимущество в горячем: он позже поднялся с аэродрома; у немца, — возможно, в боекомплекте: в начале схватки Дьяченко тратил снаряды и ленты на двоих.

Дьяченко предлагал разворот за разворотом, один другого сложнее. Немец пока не отказывался от них.

Но вот на вертикали этого боя оказалось лёгкое облачко, единственное в небе. Оно поглотило обе машины. На минуту противники потеряли друг друга из виду. Потом в порыве тумана выступила голова немца. Его лицо исказилось гримасой. Он больше не выдерживал напряжения боя, минута в тумане ослабила его.

При выходе из облака они обменялись последними пушечными выстрелами. Оба эти выстрела не пропали даром, но у них была разная удача. Снаряд пробил кабину в машине Дьяченко, холодная жидкость антифриза хлестала ему в лицо. В этом было его спасение: холод держал его в сознании. Дьяченко чувствовал невыносимую боль в бедре. Он не видел, как немец стремительно кувыркнулся вниз и, дымя, понёсся к земле.

У Дьяченко не было сил выпустить шасси. Машина села на брюхо. Она прошуршала по жухлой, прошлогодней траве, словно говорила, задыхаясь: «Не могу больше».

Дьяченко потерял сознание, как только выключил мотор. Оно не возвращалось к нему и в госпитале. Откладывать операцию нельзя было ни на мгновение.

Своей белизны свободная от вязок часть лица Дьяченко сливалась с бинтами. Властная тишина вошла в угловую с бревенчатыми стенами комнату, где прежде стояли школьные скамьи, откуда видны синий край леса и заливные луга. И никто сейчас не слышал, как шумят грузовики на дороге, как визжит лила на дворе.

За работой Найтис почти не говорил. Даже новые ассистенты сразу же безошибочно понимали движения его пальцев. Сегодня от него по-прежнему слышали только два слова: «Зрачок! Пульс!».

И особенно часто раздавалось первое. Жизнь и смерть бежали взапу-

А. Коваленков

ТРИ СОНЕТА

Из цикла «Город в степи»

1.

Здесь рыскали дозоры Чингисхана,
Бедой прошла батыева орда.
Здесь не туман веков, а мгла бурана,
И сколько в ней исчезло без следа!..

Но тут, среди степного океана,
Россия воздвигала города.
Над ними путеводная звезда
Видна с границ Китая и Ирана.

Скрипит арба. Верблюд идёт вельможю,
От Азии бубенчики бренчат...
Их слушая, о многом вспомнить можно.

Историю не повернуть назад.
Она сурово обходилась с нами,
Но мы теперь её диктуем сами.

2.

Степная осень никогда не плачет,
Не каркает вороной на суку;
На полчаса за тучу солнце спрячет
И вновь глядит вдогонку казаку.

Казак в пути, казак к Берлину скачет
И всех чертей он рубит на скаку.
Флажком на карте маршал обозначит,
Где снова в ножны лечь его клинку.

В чужом краю расскажет на привале
Казак друзьям о батюшке Урале
И как клинок в родных степях блеснит.

Там беляши пекут для встречи сына,
С холма за горизонт глядит калина
И пламенной листвою шелестит.

3.

— Идёт зима, — кот говорил кошурке, —
Пора закрыть ворота на засов
Да расстелить овчину на печурке.
Лёг, свечку погасил — и будь здоров,

Лет сто назад так жили в Оренбурге,
Размеренно, как тиканье часов,
А с тучами луна играла в жмурки
Над степью, где промчался Пугачёв.

Всё это понаслышке мне знакомо,
В бессонницу явился, словно дрёма,
Как суховей, качающий ковыль.

Я на рассвете вышел за ворота.
День начинался. Рокот самолёта
Мне рассказал не присказку, а был...

* * *

Трудно будет, милая, со мной.
Не стоял я к пламени спиной.
В сердце вгрызлись коготь и зола,
Ненависть душой моей была.
Чем, скажи, тебя развеселю,
Как с тобою радость разделю,
Если не пойму, не знаю сам,
Что я за любовь твою отдам?
Милая сказала мне в ответ:
«Трудно с тем, о ком печали нет.
О тебе я плакала не раз,
А слезам не надобно прикрас.
Вот и снова брызнули легко,
Потому что счастье велико.
Сядь со мною, дай, шинель сниму,
Крепко, как бывало, обниму».

ски. Выдержит ли сердце Леонида? Выдержит ли оно до того таинственного мгновения, когда кровь, которую вливают сейчас, во время операции, сроднится с его кровью, станет своей в его теле? Покроет ли она

страшную потерю, уравновесит ли ту кровь, которая вытекла в кабину? Уже влило пятьсот граммов. И надо ещё.

— Зрачок! — приказывает Найтис. — Оба!

И сестра, стоящая у изголовья, приподнимает эти мраморные веки. Найтис нетерпеливо наклоняется к Леониду, словно ждёт, что сейчас упадёт неподвижная завеса, которой закрыт его взгляд. И жизнь снова хлынет в эти глаза. Пульс остаётся нитевидным, едва слышимым. Всё без остатка скажут глаза. Но в зрачках та же завеса. И Найтису хочется кричать от жгучей боли.

Так продолжалось полчаса.

Потом Найтис вышел на крыльцо. Он подставил голову ветру, курил, глубоко затягиваясь. За дорогой, на траве, пели: «Тачанка... растачанка...» Бойцы из батальона выздоравливающих шли с военных занятий. Найтис рассеянно думал: «Я их чем-то удивил за операцией, что-то я сказал такое Леониду... Но сейчас я не могу им объяснить».

До отъезда он обедал у начальника госпиталя. И тот удивился, что хирург, обычно отказывавшийся от своей стопки, сегодня с жадностью выпил две.

4

Дьяченко медленно просыпался. Хриплые стоны вырвались у него. Он проваливался в облако, которому не будет конца. Вскоре это прошло. Он начинал жить. Он хотел всё вспомнить с той минуты, когда посадил машину, и не мог. Жизнь напоминала о себе острой болью во всём теле, но это была жизнь. И глаза почувствовали, что вокруг светло. И глаза открылись.

В этот день он был очень слаб и ничего не говорил. Только просил пить. Потом он опять забылся.

Наутро дежурная сестра рассказала ему о Найтисе.

— Лежите! Лежите! — почти закричала она, когда Дьяченко вдруг приподнялся на кровати. — Вам нельзя двигаться. Ни боже мой! Он ещё будет у нас. Он поехал в другой госпиталь. Вам теперь надо много спать и спокойно.

— Он... очень изменился? — спросил Леонид.

— Кто? Полковник медицинской службы? Да откуда я знаю? — весело удивилась сестра. — При мне не менялся.

— Да, конечно. Вы не знаете... А глаза у него хитрые?

— Как вам сказать... — замаялась сестра.

— Боятесь... что это непочтительно будет к начальству?

— Вам не нужно так много говорить, — перебила сестра и вытерла у него испарину с лица.

Он спал глубоким, спокойным сном, сон заглушал боль. Так прошли ещё сутки. Он проснулся, когда в окно палаты било солнце, и почувствовал слабый запах цветов. Они стояли во флаконе на столике. Он любовался синенькими нежными лепестками. Ведь они также были частицей огромного мира, который открывается сразу за этой стеной, мира, куда он вернётся.

— Вам письмо, — сказала сестра.

— Письмо? Так скоро? От кого?

Леонид читал:

«Друг-невидимка. Был у тебя вчера, но ты спал, хорошо спал. Побольше так. Денька через два мы увидимся. Ты уже вполне выкарабкался и сможешь делать всё, что вздумаешь, — опять овладеть межпланетным миром, оставив мне мир клетки, не так уж, впрочем, тесной, как ты одно время снисходительно думал. Поволновались мы над тобой. Теперь пойдёт на лад. Только держись, гарнесенький».

Стась.

А глаза у меня действительно, говорят, хитрые».

Мир должен ЗНАТЬ, ВИДЕТЬ, ПОМНИТЬ ЭТО!

Текст Льва Кассиля
Фото лейтенанта Н. Герасимова

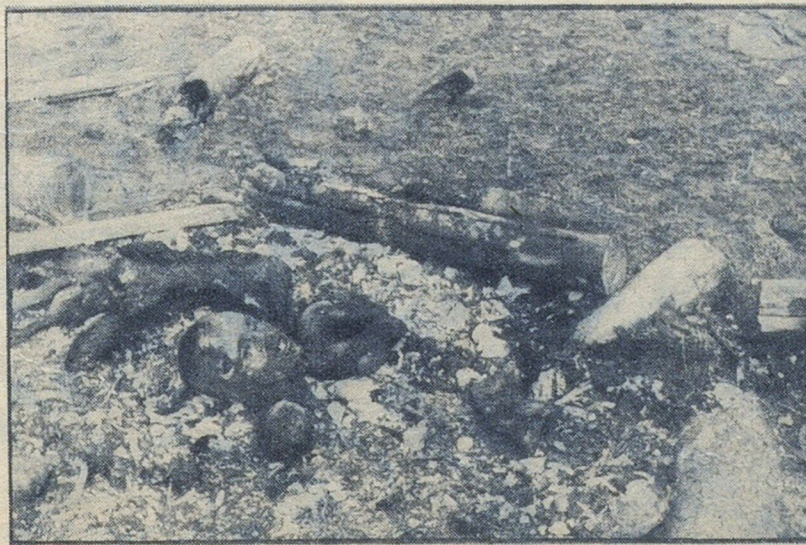
С виду этот лагерь у города Освенцима, в польской Силезии, выглядел обычным трудовым лагерем. И над входными воротами его укреплен был лицемерный транспарант: «Работа делает свободным». Эта надпись сулила свободу тем, кто, попадая в лагерь, ещё надеялся, что трудом своим спасёт себе жизнь.

Но, присмотревшись, если ему ещё давали время осмотреться, заключённый видел тройные ряды массивных бетонных устоев с изоляторами, по которым тянулись провода с шипами. День и ночь, круглые сутки, ток в несколько тысяч вольт шёл по этим проводам. Всё здесь было прочно, массивно, всё сделано с той тяжёлой, бесчеловечной добротностью, с какой фашисты умеют обставлять массовые убийства.

Вдоль высокой ограды, которой лагерь был изолирован от всего живого, между столбами его смертоносной колючей проволокой, в тесном коридоре высились башни, на вершине которых неусыпно дежурили часовые с пулемётами и автоматами. Иногда ради забавы в тесный коридор между рядами столбов ставили узника. Он стоял здесь час, другой, третий, сутки, пока силы не оставляли его. Качнувшись, он невольно касался провода, и ток мгновенно умерщвлял его на потеху эсэсовцам.

И по всему лагерю были развешаны, установлены, расклеены треугольные плакаты, гласившие: «Сегодня живёшь. Завтра умрёшь. Помни это!» Везде, в бараках, у ограды, на стенах лагерных зданий — везде заключённый видел эту памятку.

Это был исполинский комбинат смерти, гигантское механизированное человекоистребляющее предприятие, с колоссальной пропускной способностью. Почти на пятьдесят квадратных километров расплзся по земле этот чудовище-завод по умерщвлению людей. Напрасно немцы пытались уничтожить следы своих преступлений. Обугленные трупы, полуобгорелые черепа среди обломков Освенцима выдают преступления тех, кто был хозяевами лагеря и на чьи головы должен обрушиться меч карающей справедливости.

Освенцим!.. Чудится, будто каждая буква в этом слове наливается кровью. Освенцим! На всём земном шаре, во все времена не было места более ужасного. Кошмары Майданека, кровь Трешлинка, злодеяния в Бухенвальде и Дахау — всё меркнет перед Освенцимом. Здесь каждый камень, каждый метр земли вопиет о злодействе, которого человечество не знало даже в самую глухую и давнюю пору своего развития, когда человек был ещё полуживотным.

Вот выдержка из скупого на слова, точного, как судебный документ, сообщения Чрезвычайной государственной комиссии:

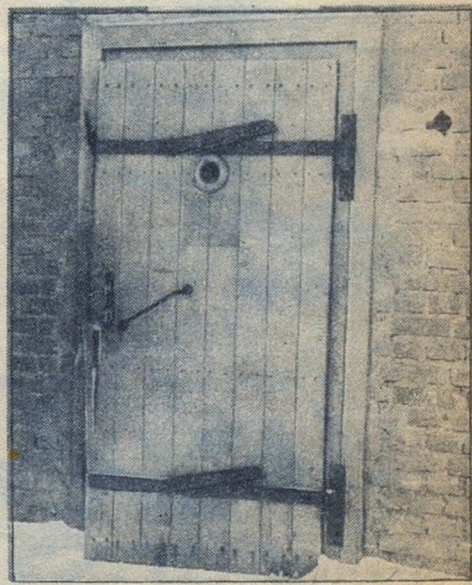
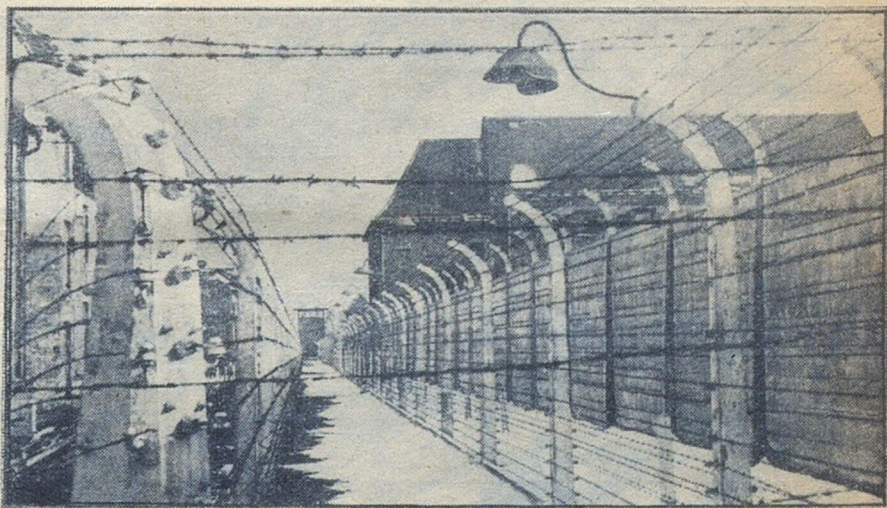
«1. Путём расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые «медицинские» эксперименты над живыми людьми — мужчинами, женщинами и детьми.

3. По степени продуманности, технической организованности и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие «лагеря смерти».

Нет больше на свете преступной армии, которая своими штыками и пушками утверждала существование этого неслыханного злодеяния. Она бесславно капитулировала, разбитая освободительными силами Красной Армии, объединёнными армиями наших союзников. Очищающий мир великая Победа покончила с этими чудовищными преступлениями. Она спасла от неминуемой гибели тех, кого не успели замучить, отравить, удушить и сжечь фашисты. Она склонила свои боевые знамёна над прахом миллионов мучеников. Светлее стало на земле. И в небе Европы дым гигантских фабрик смерти не закрывает больше солнца. Человечество, столько лет вдыхавшее смрад тления и пороховой чад, соскучилось по аромату мирных полей, по запаху цветов, по свежему ветру, не отравленному гарью войны. И не хочется сегодня снова говорить о мрачной бездне, из которой только что вырван мир.

Но говорить об этом необходимо. Всё это только что было. И такого нельзя забывать. Чтобы никогда, никогда больше, сколько бы ни стояла земля, не повторилось что-нибудь, хотя бы самым отдалённым образом напоминавшее злодеяние Освенцима; мир должен знать, мир обязан увидеть и навсегда запомнить адскую пропасть, в которую фашизм намеревался сбросить всё свободомыслящее человечество.

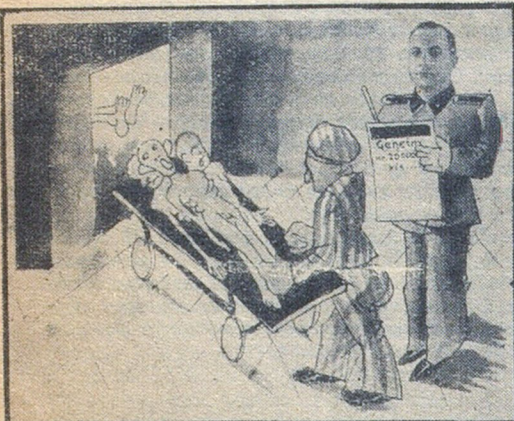
Лагерь располагал универсальными орудиями смерти. Вот одно из них — газовая камера. В неё загоняли людей. Через эту дверь сотни тысяч узников ушли из жизни. Дверь герметически закрывалась. И дежурные убийцы могли через глазок двери любоваться муками своих жертв.

**МИР ДОЛЖЕН ЗНАТЬ, ВИДЕТЬ,
ПОМНИТЬ ЭТО!**

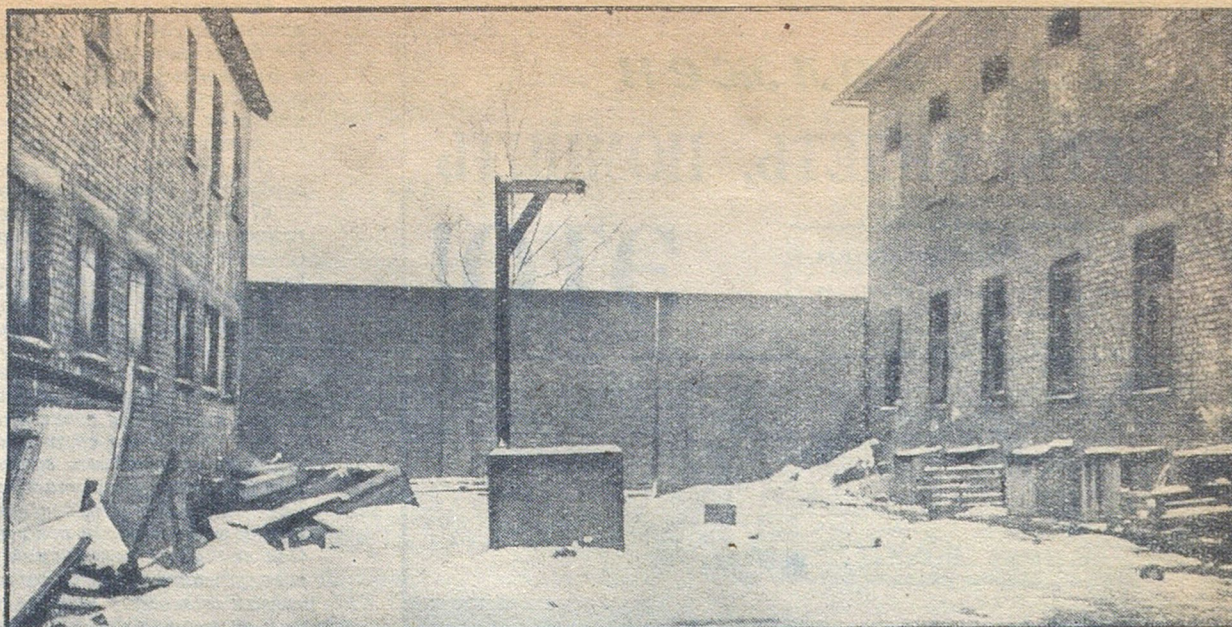
(Продолжение)

Людей душили «усовершенствованным» способом. Применялось новое, изобретённое германской химической промышленностью ядовитое вещество — «циклон». Кристаллы «циклона» через особые люки засыпались в газовые камеры. И тысячи людей через 15—20 минут гибли в мучительном удушье.

Были в лагере и более простые, старинные способы убийства: людей умерщвляли на стандартной виселице, на специальном тюремном дворе лагерь. Что же, может быть, эта смерть казалась узникам милосердной в сравнении с тем, что испытывали другие обречённые...

Тысячи и тысячи, сотни тысяч, миллионы людей гибли в газовых камерах Освенцима, умирали от истощения, сжигались в его гигантских крематориях. А мерзавцы, которые вели убийством, ещё были способны веселиться. Они слагали циничные куплеты и заставляли распевать их смертников. В часы досуга между двумя порциями убийств они рисовали карикатуры. Вот одна из них. Это «дружеский юбилейный шарж», нарисованный одним убийцей на другого. Взгляните на этот рисунок, аккуратно вклеенную фотографию благообразного мерзавца, на страшный счёт, который он держит у открытой печи крематория, отправляя в неё 20-тысячный труп задушенного...

В Освенциме свирепствовали хозяйственные убийцы. Они не только отнимали у своих жертв жизнь: они заранее отбирали у них всё, что было при жизни у умерщвляемого... Всё это специальными эшелонами отправлялось в Германию. Всё это хранилось до поры до времени на гигантских складах.

Чемоданы с наклейками всех стран мира, носильные вещи, костюмы, платья, бельё... Чудовищные груды обуви, снятые с ног тех, кого убили в газовых камерах. Ботинки, туфли, сапоги, детские тапочки... Дантисты вырывали у убитых золотые зубы, пластинки с искусственными зубами. Целые склады искусственных челюстей, зубных протезов скапливались в лагере.

В особые нумерованные пакеты, с аккуратным обозначением веса, упаковывались волосы убитых женщин, девушек, девочек. В лагере остались кипы женских волос, золотистых, чёрных, каштановых, седых... И вот брошена на пряди волос, побелевших, быть может, от предсмертного ужаса, нежная косичка с детским бантом.

Они были торговцами, дельцами, коммерсантами, эти убийцы, от которых, судя их, отвернется человечество, отказываясь признать в них людей. Они дробили кости убитых и продавали фирме «Штрём» для переработки в суперфосфат. Они отправляли в Германию для промышленных целей тюки с женскими волосами, золотые и искусственные зубы, вырванные изо рта убитых.

Мало кто уцелел в этом страшном, не снившемся людям даже в самых дурных снах, лагере смерти. Измождённые, полуживые, с лицами, исковерканными пытками, ещё не веря в возвращённую им жизнь, смотрели они на пришедших освободителей.

Спасены были дети — те немногие, которых оставили в лагере для всяких мучительных медицинских опытов.

Но на дне бесчисленных рвов остались лежать те, кого уже поздно было спасать. Не отворачивайтесь, товарищи, от этого снимка. Пусть в ушах ваших, пусть в ушах всего мира звучит

этот немой, душераздирающий смертный крик одной из бесчисленных жертв. То кричит Освенцим! Он кричит миллионами ртов замученных людей, у которых фашистские убийцы навсегда вырвали дыхание, речь и жизнь, миллионами тех, кто сгорели в печах крематория, миллионами тех, кто засыпаны освенцимской землёй. И, может быть, услышав этот крик, некоторые тугоухие и либеральные журналисты Европы и Америки с омерзением отдернут свои руки, протянутые для «джентльменского» пожатия обер-убийце Герингу и другим негодям из гитлеровского лагеря.

Пусть нестерпимы для взора и сердца человеческого эти снимки. Надо найти в себе силы, чтобы взглянуть на них. Мир должен знать, видеть, помнить это!

УЧЕНЫЕ-Артисты

Оркестр учёных. Первый слева — концертмейстер оркестра доктор физических наук профессор-орденоносец В. Зёрнов. Рядом с ним — профессор-орденоносец Г. Калиш

Фото Я. Халипа.

Перед переполненным залом симфонический оркестр, хоровая капелла, певцы-солисты... Трагические, лирические и торжественные звучания замечательной оперы «Дидона и Эней» английского композитора Г. Перселля, 250 лет со дня смерти кото-

рого, отмечает Советская страна, волнуют аудиторию. Здесь нужно оговориться. Вот участники этого ансамбля: несколько часов назад исполнительница партии Дидоны — кандидат химических наук А. Грановская — работала у себя в лабо-

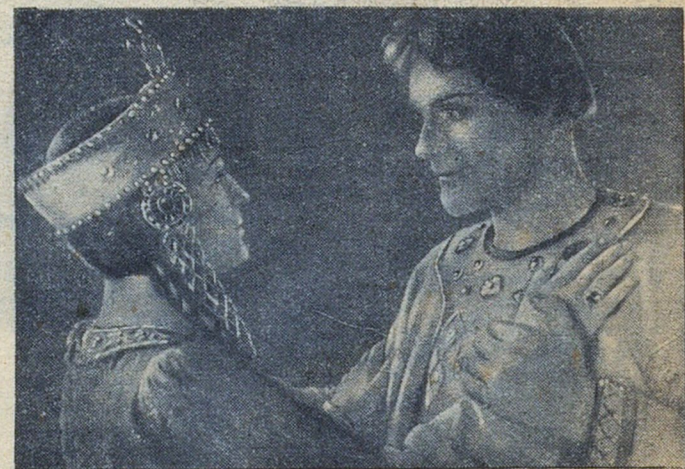
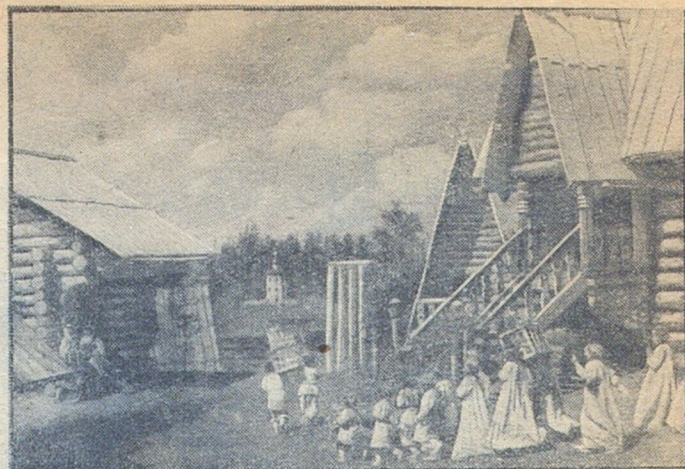
ратории над проблемами активности компонентов шлаковых расплавов; концертмейстер оркестра — доктор физических наук, профессор В. Зёрнов; виолончелист В. Карра — сотрудник Академии наук СССР, кандидат экономических наук, крупный специалист по вопросам мирового хозяйства; тенор... Впрочем, каждый из двухсот с лишним участников хора, оркестра и певцов-солистов на несколько часов оторвался от смелых опытов, сложных вычислений, важных исследований. «Участие в музыкальной самодеятельности — это отдых и зарядка перед новым днём патристического труда», — так говорят о своём коллективе его участники: профессора, доценты и другие научные работники Москвы.

На протяжении своего существования ансамбль играл и пел новинки советских композиторов и редко исполняющиеся классические произведения.

Хорошая сыгранность, вкус и чувство стиля отличают игру оркестра (руководитель — проф. В. Садовников), пение солистов и хора. Это не случайная удача: десять лет упорного труда, творческой и товарищеской спайки, восторженной любви к музыке привели к таким результатам. Отдельные недочёты вполне устранимы при дальнейшей работе.

Б. ХАЛИП.

ФИЛЬМ-СКАЗКА

Киностудией Союздетфильма выпущен фильм «Кашей Бессмертный». Авторы сценария В. Швейцер и А. Роу использовали мотивы многих русских народных сказок. Интересны декорации художников Н. Акимова, В. Никитченко и С. Козловского. Музыка к фильму написана композитором С. Потоцким. В главных ролях снимались артисты С. Столяров (Никита Кожемяка), Г. Григорьева (Марья Маревна), Г. Милляр (Кашей Бессмертный). На снимках: кадры из фильма «Кашей Бессмертный».

ХУДОЖНИКИ ТЕАТРА

Интересная выставка была организована Московским товариществом художников совместно с Московским союзом художников.

Художникам театра были даны заказы на оформление пьес.

Свободный выбор пьесы самим художником, без каких-либо режиссёрских заданий должен был определить творческие устремления автора.

Наряду с этим был объявлен конкурс на оформление пьес русской классической драматургии.

Заказные и конкурсные работы — экспонаты этой выставки.

Образы величайшей трагедии раскрыл Тышлер в своих эскизах к «Отелло» Шекспира.

Отелло — отважный мореплаватель и воин, образ задушевный и лирический, жестоко страдающий в удручающей обстановке интриг и вражды; трогательный, чистый облик Дездемоны очерчен художником. Кассио, Биаанка, Яго и другие персонажи живут в его рисунках. Цвет морской волны — объединяющая тональность всех декорационных эскизов. Символически трактует художник прекрасные найденные детали (рез-

ное морское судно, фигуры трубящих ангелов и т. п.).

П. Роднянский в эскизах к «Гамлету» дал романтическую приподнятость, светлое, жизнеутверждающее начало эпохи Возрождения.

Великий русский драматург Островский оказался избранным большинством художников-конкурентов.

Смелое цветовое решение эскизов «Без вины виноватые», несколько гротесковая подача художником В. Киселёвым образов Шмаги, Незнамова, Милозорова, передавали своеобразный характер русской актёрской среды прошлого столетия.

Музыкальность «Весенней сказки» Островского, причудливость её образов, а главное, неразрывная связь с окружающей природой очень интересно переданы в живописных эскизах Н. Коркиной.

Старинный водевиль «Лев Гурыч Синичкин» развёртывается перед зрителями в талантливых эскизах персонажей художника В. Айвазяна.

Своё умение по-новому «прочитать» драматургический материал, раскрыть основное «зерно» пьесы, о котором говорил великий Станиславский, показали и другие художники.

Ж. К.

Эскизы художника Тышлера к трагедии Шекспира «Отелло».

ПОЭТ-Трибун

Умер Демьян Бедный.

Советская поэзия потеряла выдающегося поэта-трибуна, пламенного агитатора рабочего класса.

Более тридцати пяти лет Демьян Бедный служил своим острым и ясным словом широким массам, которые понимали и любили поэта. Его стихи всегда говорили о самом насущном, самом злободневном.

Особенно широко развернулось творчество Демьяна Бедного после Великой Октябрьской социалистической революции. В дни Отечественной войны поэт-боец, пламенный патриот, кровными узами связанный с доблестной Красной Армией (в годы гражданской войны он находился в её рядах), был на своём посту. Он писал, обращаясь к бойцу:

«...стой до конца за власть и за честь свою,
За пролетарскую великую семью...»

Память о замечательном поэте-революционере навсегда сохранится в сердцах советских людей.

У народного художника СССР А. А. Шовкуненко

Солнечный юг Украины с его цветущими садами наложил отпечаток на творчество выдающегося украинского художника Алексея Алексеевича Шовкуненко.

Однако южные пейзажи и море не заслонили перед ним тех гигантских перемен, которые внесла Октябрьская революция в жизнь Украины.

Портрет поэта М. Рыльского. Работа А. Шовкуненко.

В одесский период своей работы, вскоре после гражданской войны, художник уделяет много внимания изображению восстановительных работ на судостроительном заводе имени Марти, в порту. Но это — лишь вступление к тем большим планам, за претворение которых берётся художник. Он едет на крупнейшее предприятие республики — Ворошиловградский (Луганский) паровозостроительный завод — и создаёт там свою замечательную серию «Луганские паровозы».

Центральная же тема работ художника — это строящийся Днепрострой. Около 70 зарисовок и картин отображает всю величественность днепровской стройки.

Днепростроительная серия завоевала Шовкуненко большую популярность не только в нашей стране. На Парижской всемирной выставке он получил за неё золотую медаль. С таким же успехом эти картины экспонировались в США и Китае.

Великая отечественная война заставила художника временно покинуть родной Киев. Вместе с другими представителями украинской интеллигенции он работает сначала в Уфе, а затем в Москве.

В Уфе Шовкуненко пишет портреты, обогащает свою коллекцию всё новыми и новыми зарисовками и полотнами, в которых с большой проникновенностью встаёт перед нами уфимский пейзаж.

В Москве в 1942—1943 годах Шовкуненко создаёт серию кремлёвских зарисовок и картин, над которыми продолжает работать и до сих пор.

Киев, с его разрушенным Крещатиком, взорванной Лаврой, руинами многих домов, произвёл на художника тяжёлое впечатление, и Алексей Алексеевич в ряде работ запечатлел картины разрушений, совершённых фашистами.

В мастерской художника, находящейся при Киевском художественном институте, где профессор Шовкуненко ведёт большую преподавательскую работу, мы увидели законченные новые портреты Героя социалистического труда академика А. А. Богомольца, поэта-академика Максима Рыльского, московского скульптора Б. Яковлева.

Показывая эти работы, Алексей Алексеевич делится мыслями о своих творческих планах.

— Два желания захватывают меня, — говорит он. — Первое — это снова съездить на Днепрострой, посмотреть, как он возрождается после жестоких разрушений, и запечатлеть всё это на полотне. Второе — побывать на родной Херсонщине. Я мечтаю написать большую картину «На Днепре», в которой мне хочется передать всё богатство красок нашего солнечного юга с его зелёными базарами, песчаными днепровскими берегами и замечательными украинскими колхозницами.

Ш. ВЯДРО.

Литература и Искусство

ИЗ ИСТОРИИ «ИВАНА СУСАНИНА»

Пожалуй, никогда ещё Василий Андреевич Жуковский не видел приехавших к нему друзей — Михаила Ивановича Глинку и Владимира Фёдоровича Одоевского — в столь озабоченном состоянии. Глинка в глубокой задумчивости шагал по кабинету, заложив одну руку за борт сюртука, а другой то и дело откидывая со лба непокорную прядь; Одоевский, разложив на столе связку нотных листов, в полной растерянности воззрился на знаменитого стихотворца.

Ещё вчера Глинка задал Владимиру Фёдоровичу неразрешимую задачу, когда показал готовые музыкальные наброски к «Ивану Сусанину», к которым требовалось написать стихи соответствующих размеров.

— В этом деле, — развёл руками Одоевский, обращаясь к Жуковскому, — я плохой помощник. В жизни не удавалось мне слепить и пары стихов! Однако... — тут Одоевский сделал паузу и снова перевёл изумлённый взгляд с нотных листов на собеседника. — Я попытался поставить под ногами сильные и слабые ударения, сообразаясь с музыкальными намерениями Михаила Ивановича, — вышли метры, совершенно небывалые!..

Когда Жуковский взглянул на разложенные перед ним листы, он от всей души расхохотался.

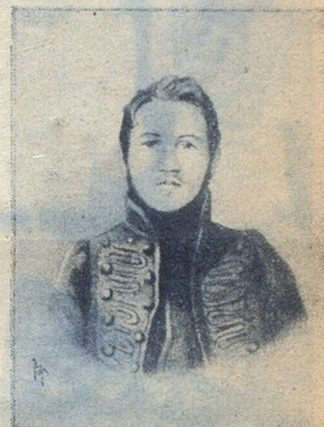
Нет, по его, Жуковского, разумению, решительно нет и быть не может таких стихов, которые бы пришлись по мерке музыкальным строфам «Ивана Сусанина»!

— Непременно должны быть такие стихи! — убеждённо возражал Глинка.

Ему, с детства выросшему на народной русской песне, познавшему её в совершенном единстве народного стиха и народного напева, отлично ведомо, что в отечественном искусстве есть такие формы поэзии, которые могут легко и органично слиться с музыкой «Ивана Сусанина». Это народный стих, которым складываются песни, которым сказываются старинные.

Только что описанный, мало известный широкому читателю эпизод вносит новое, примечательное звено в творческую историю «Ивана Сусанина». Гениальный реформатор, создатель первой национальной русской оперы стремился к абсолютно самобытным художественным средствам решительно для всех элементов своего произведения, в том числе, конечно, и для текста.

Да, Глинка требовал для текста оперы не существовавших в европейском стихосложении ритмов и метров. Он сам добродушно признавал, что либреттисту Розену, к которому впоследствии перешло либретто, «надлежало подделывать слова под музыку, требовавшую иногда самых странных размеров». Так выглядело с точки зрения общепринятых европейских норм. Но великий музыкант был совершенно прав в своих требованиях, исходивших от законов русской народной музыки и русского народного стиха, живущего также особыми, самобытными законами. Недаром говорится: «У русского народа песня — что вснок, стих — что цветок, стопа — что лепесток. Всё и каждое по-своему цельно».

М. И. Глинка в молодости.

Сохранился один примечательный забытый биографами Глинки документ — записка Жуковского к Пушкину, относящаяся именно к этому же времени работы композитора над «Иваном Сусанином».

«У меня, — писал Жуковский, — будет нынче ввечеру Глинка, Одоевский и Розен для некоторого совещания. Ты тут необходим. Приходи, прошу тебя. Приходи непременно!»

Очевидно, к помощи Пушкина желали прибегнуть в трудном деле Глинки. Да и к кому, как не к Пушкину, провозгласившему лозунг «Учитесь у народа!», и надлежало обратиться?!

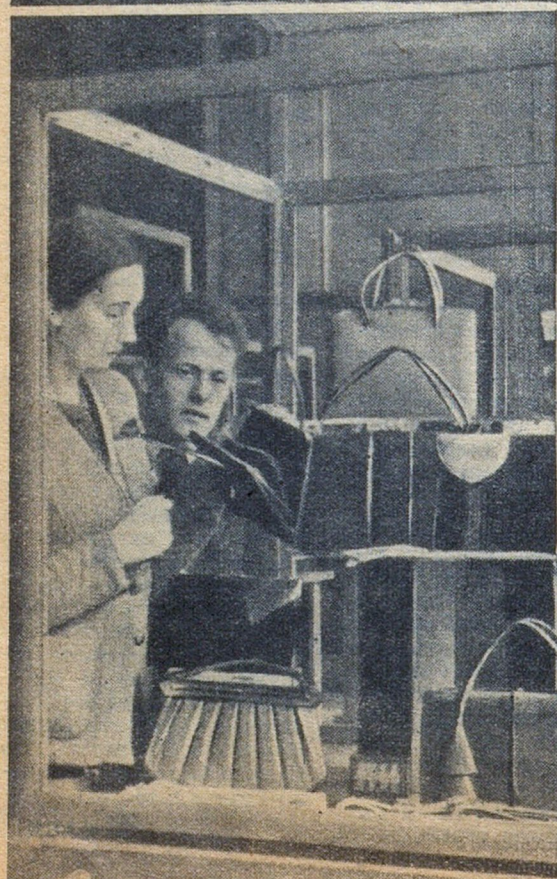
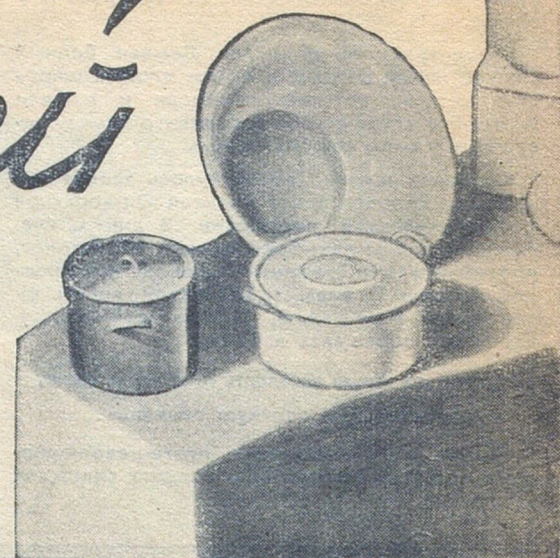
Мы ничего не знаем об ответе Пушкина на эту записку. Но общеизвестно то неизменное и горячее внимание, которое Пушкин уделял первой отечественной опере и её великому автору. Много позднее гениальное содружество поэта и музыканта готово было осуществиться в работе над оперой «Руслан и Людмила». Но Пушкин был убит, и замыслы Глинки осиротели.

Е. КАНН

Возрождение вещей

Н. Власова

Фото А. Узян

Совещание состоялось, как обычно, в субботу, и все заводские работники собрались в кабинете директора без специального приглашения. В прошлый раз красное сукно стола было сплошь заставлено нарезанными металлическими стаканчиками, кольцами, трубками различных диаметров — деталями предметов оборонной продукции, которую четыре года в неустанным напряжении изготовлял завод.

Теперь стол был пуст. Все заняли места в чинном молчании, а директор стал брать различные предметы и раздавать присутствующим. Каждый принимал их и ставил перед собою. Несколько секунд ещё продолжалась напряжённая тишина, спутница важных дел, а затем начался весёлый и оживлённый разговор.

Перед главным инженером стоял большой блестящий никелированный чайник; перед механиком — два утюга — маленький, плоский, дорожный и большой, тяжёлый, как миниатюрный танк, портновский. Заведующий тем цехом, который вот уже четыре года изготовлял детали миномётов, получил сразу пять предметов. Предметы были лёгкие, блестящие, издававшие звон, когда их передавали из рук в руки, и слишком большие, чтобы поместиться на столе. Оцинкованное корыто и таз пришлось прислонить к стене, три различных ведра: высокое, широкое и с носиком — вставить одно в другое и задвинуть под стул.

— Всё ясно, товарищи? — спросил директор.

— Ясно! — ответили все. — Переходим на довоенный ассортимент.

— Нет, — ответил директор, — не на довоенный, а на послевоенный ассортимент. Это разница. Больше, чем до войны, и лучше, чем до войны. Ясно?

Людские потребности, сведённые к минимуму за прошедшие четыре года, снова вступают в свои права. Грубая обувь и одежда защитного цвета, такие удобные для рытья противотанковых рвов, разгрузки дров, вскапывания целины под картошку, настоятельно требуют замены вещами иными, более красивыми и лёгкими.

Текстильные и швейные фабрики переходят с серых и зелёных цветов на яркие, пёстрые, весёлые; с грубых, прорезиненных, пропитанных химическими веществами тканей, предохраняющих от воды и грязи, не горящих в огне, — на лёгкие

сорта крепов и фидешчинов, муслинов, тонких полотен. В этих новых платьях неудобно лежать на сырой земле, спать, не раздеваясь, в землянках, гасить зажигательные бомбы. Зато очень удобно работать в светлых, чистых, с огромными незатемнёнными окнами цехах, танцевать, гулять.

Мода — вещь более стойкая, чем это принято думать. Без всяких писанных правил, без точных законов она возникает, укореняется, передаётся от одного к другому, из города в город. Достаточно бывает двум девушкам при встрече посмотреть друг на друга, чтобы, придя домой, сразу укоротить или удлинить платье, иначе загнуть поля на шляпе. Война тоже принесла свою моду: например стёганные ватники, которые сейчас исчезают, уступая место обычным пальто. Фабрики головных уборов охотно приняли удачный фасон кепи, подсказанный им девушками-лессорубами. Правда, кепи стало бархатным или фетровым, а козырёк увеличился до длины нормального поля шляпы.

Потребитель с каждым днём становится всё требовательнее и придирчивее; он хочет, чтобы всё, что нужно ему, всё, что носит широкое и общее название предметов ширпотреба и расфасовывается так просто: платье, обувь, бельё, посуда, мебель, — всё, что улушает, украшает, организует наш быт, наш дом, — всё это было бы красивым, прочным, удобным, дешёвым.

Так и будет. Тысячи фабрик, заводов, артелей промышленной кооперации по всей стране сейчас заняты важнейшим делом: переходят с ассортимента военной продукции на ассортимент мирного времени, ясно сознавая и учитывая, что потребности и требования значительно возросли.

Лёгкая промышленность блестяще доказала, что в нужную минуту можно делать мины на фабриках кухонной посуды. Теперь, когда настает дни мирной стройки, нужно как можно скорее переучиться ещё раз. Теми же руками и на тех же станках снова начать делать чайники и утюги, ведра, кастрюли, самовары.

Предприятия местной промышленности значительно увеличивают выпуск товаров широкого потребления. На наших снимках показаны образцы этих товаров, выпускаемых предприятиями местной промышленности.

ТРИЕСТ—ИСТРИЯ

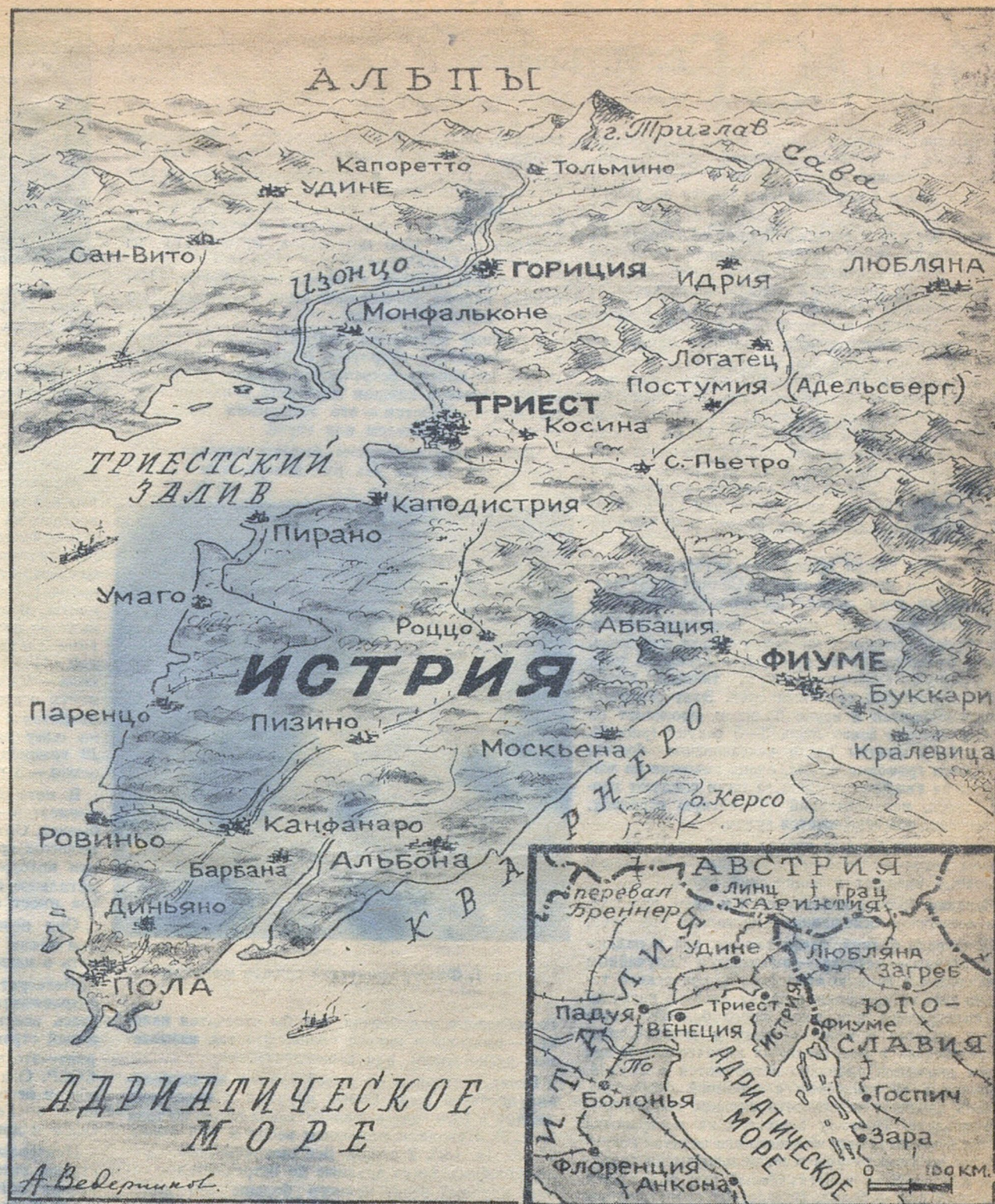
После первой мировой войны, приведшей к распаду Австро-Венгрии и созданию ряда новых независимых государств, в том числе Югославии, граница между последней и Италией была, по решению союзных держав, установлена следующим образом: она начиналась у гробня Карнийских Альп, проходила через Предильский перевал до города Триглав и шла далее по водоразделу между реками Изонцо и Савой. Южнее она направлялась к городу Постумия и продолжалась вдоль железной дороги Постумия—Фиуме, которая почти на всём своём протяжении отошла к Италии. Таким образом, к Италии были присоединены город Триест (по последней переписи, 248 379 жителей), полуостров Истрия с городом Пола (46 259 жителей), город Фиуме (53 896 жителей), расположенный на югославском побережье, был объявлен самостоятельным государством. Кроме того Италия получила расположенный на югославском побережье военный порт Задар (Зара, или Цара), с 20-тысячным населением, отделённый одноимённым узким каналом от материка, и остров Керсо при входе в залив Кварнеро, омывающий восточный берег Истрии.

В результате под власть Италии подпала территория, на которой проживало, по тогдашним статистическим данным, свыше 300 тысяч славян (в действительности, гораздо больше). 12 октября 1919 года итальянский отряд, набранный писателем Габриеле д'Аннунцио (впоследствии видным деятелем фашистского режима), захватил Фиуме. Этот город и порт был окончательно присоединён к Италии в 1924 году.

На мирной конференции, созванной после первой мировой войны, требования итальянцев о передаче им Триеста, Истрии и других югославских земель вызвало возражения, в особенности со стороны американской делегации. Дело в том, что США не участвовали в соглашении, заключённом в 1915 году в Лондоне между державами Антанты и Италией, которой эти земли были обещаны как часть цены за вступление Италии в войну на стороне Антанты. Италия мотивировала свои требования стратегическими соображениями, добиваясь господства на Адриатическом море. Об этом напомнила недавно американская газета «Чикаго сэн», указав, что Триест и Истрия были переданы Италии вследствие того, что «лица, подписавшие это (лондонское) соглашение, были более заинтересованы в том, чтобы Италия присоединилась к союзникам, чем в этнической и экономической справедливости».

Достаточно к этому прибавить, что славянское население проживает здесь, согласно сохранившимся историческим документам, с VI века нашей эры. В XIV веке оно подпало под власть австрийских завоевателей с тем, чтобы быть переданным после мировой войны в подчинение итальянскому империализму.

Югославский народ не примирился с тем, что сотни тысяч его братьев подпали под чужеземное господство. Та же газета признаёт, что теперешние «претензии Югославии в отношении Триеста должны быть серьёзно рассмотрены, так как много жителей

словенского происхождения и подавляющее большинство населения полуострова Истрия состоит из словенцев и хорватов».

В течение только что закончившейся войны в этих районах активно действовали югославские партизаны. 30 апреля в Триест, после освобождения Фиуме и Истрии, вступили радостно приветствуемые населением части югославской армии, окончательно очистившие город от немецких захватчиков 2 мая 1945 года. Через несколько дней в Триест вступили также новозеландские и американские части.

Верное своей миролюбивой политике, югославское правительство поставило в известность правительства США и Англии, что оно, занимая своими войсками освобождённые территории на одинаковых правах с союзными армиями, не намерено сейчас, насильственным путём, присоединить к Югославии Триест, Истрию и Словенское Приморье. Однако оно будет отстаивать на предстоящей мирной

конференции включение их в состав демократической федеративной Югославии.

Единодушное стремление населения этих районов к воссоединению со своим отечеством — Югославией — проявилось с новой силой на состоявшемся недавно первом заседании окружной народно-освободительной скупщины Триеста. Выступавшие ораторы отмечали прочность и неизбежность уз, связывающих Триест, Истрию и Словенское Приморье с остальным населением новой Югославии. «Мы ожидаем исторических решений мирной конференции, будучи уверены в торжестве нашей свободы и наших прав. За нами стоят не только остальные народы Югославии, но и все демократические силы мира», — в этих словах словенского политического деятеля Бевка прозвучали законные чаяния и воля народных масс.

В ПРЕДМЕСТЬЯХ МАДРИДА

Испанская фашистская печать иногда проговаривается. И тогда перед

читателем открывается истинное положение народных масс, доведённых режимом Франко до нищеты и разорения. Вот как выглядят, по описанию мадридской фашистской газеты «Арриба», предместья испанской столицы.

«Предместья Мадрида, — пишет газета, — представляют собой заброшенные закоулки. Люди живут скученно под крышами из жести и глины. Нет ни медицинских учреждений, ни школ. Нет освещения. Повсюду лужи стоячей воды, открытые стоки нечистот, полные экскрементов. И всё это окружает столицу и находится в двух шагах от роскошных кино, от небоскрёбов и широких проспектов. В этих условиях живёт более полумиллиона людей, и число их всё возрастает».

В то же время Мадрид кишит спекулянтами, составившими себе сказочные состояния на военных поставках гитлеровской Германии. Кругом ажиотаж и оргии, напоминающие пир во время чумы. Этих фактов «Арриба» предпочитает не касаться.

НЕБЕСНЫЕ КАМНИ

Е. Л. Кринов,

учёный секретарь Комитета по метеоритам Академии наук СССР

Ярко горят звезды в темную ночь. То изумрудно-зеленым, то рубиново-красным, фиолетовым, синим или огненно-желтым огнями мерцают и искрятся они в беспредельной глубине небесного свода.

Вдруг пролетела звезда... В одно мгновение она промелькнула перед нашим взором и бесшумно исчезла, оставив ненадолго после себя слабый, туманный след (рис. 1). Эта мельчайшая частица-крупинка, весом всего лишь в 0,1 грамма и даже меньше, случайно повстречалась с Землей. Влетев с огромной скоростью в атмосферу Земли, она испытала сильное сопротивление воздуха и мгновенно нагрелась до нескольких тысяч градусов, превратившись в раскаленный газ. Она как бы сгорела в воздухе на высоте 50—100 километров, не успев достигнуть поверхности Земли. Иногда эти падающие звезды, или, как их называют ученые, метеоры, пролетают одна за другой целым потоком. Раз в 20—25 лет метеоры пролетают в таком множестве, что происходит как бы метеорный дождь; он наблюдался, например, 9 октября 1933 года.

Метеорные дожди происходят оттого, что Земля при своём движении вокруг Солнца встречает с целым роем мелких частичек-крупинки.

Но вот иногда всё кругом озаряется ярким, трепещущим светом. Становится светло, как днём. В этот момент по небу проносится огненный шар, от которого сыплются искры, тянется хвост, остаётся светлый, туманный след. Этот огненный шар, называемый в науке болидом, пролетает по небу в течение всего лишь 3—5 секунд (рис. 2). Через 2—3 минуты после исчезновения болида раздаются громовые удары, очень похожие на выстрелы из тяжёлых орудий; за ними следуют грохот, треск, напоминающий пулемётную стрельбу, и, наконец, всё завершается гулом.

Эти явления бывают иногда такой силы, что не только люди — случайные очевидцы, — но даже и животные впадают в панический страх.

Нередко болиды наблюдаются и днём, при полном солнечном освещении, — настолько они ярки.

Появление болида, точно так же, как и падающей звезды — метеора, — вызывается случайным попаданием в земную атмосферу космического тела, но уже не крупинки, а камня, весом в несколько килограммов или даже много больше. Такие камни носятся в межпланетных и межзвёздных пространствах в неисчислимых количествах и при своём движении случайно встречаются с Землей. Попадая в её атмосферу с огромной скоростью, камень начинает испытывать сильное сопротивление воздуха. Поэтому вещество на поверхности камня и частицы окружающего его воздуха нагреваются до температуры в несколько тысяч градусов, превращаясь в раскаленный газ; появляется огненный шар — болид. Вследствие сопротивления воздуха камень непрерывно уменьшает свою скорость и, наконец, потеряв её, как бы на мгновение останавливается. В этот момент огненный шар исчезает, световые явления прекращаются, и на землю падает не успевший «сгореть» в воздухе камень. Такой камень называется метеоритом.

Метеориты падают на землю довольно часто, вероятно, не менее тысячи в год. Огромное боль-

шинство, попадая в моря и океаны, в безлюдные полярные страны, пустыни или вообще в мало населённые гористые и лесные места, пропадают бесследно. До войны на всём земном шаре ежегодно находили всего лишь 5—6 метеоритов; с тех пор как их стали собирать и изучать, было найдено около 1500 метеоритов, из них 113 на территории СССР.

Метеориты бывают железные и каменные. Каменные падают значительно чаще железных. Ещё реже — железо-каменные.

Каменные метеориты покрыты тонкой чёрной корой наподобие скорлупы. В изломе они обычно серые, но иногда встречаются чёрные и чаще — белые. Почти в каждом метеорите в изломе видны мелкие блёстки — это включения железа в соединении с никелем или серой.

Чаще всего метеориты бывают неправильной, обломочной формы. На их поверхности видны

Рис. 1. Фотографический снимок метеора.

своеобразные углубления, как бы отпечатки пальцев — вмятины в мягкой глине. Это так называемые регмаглипты, или пьезоглипты.

Вселят метеориты от долей грамма до нескольких десятков тонн. Самый крупный в мире, найденный в 1920 году в Африке, весит около 60 тонн (рис. 3). Находили метеориты весом в 36,5 тонны, 27, 20, 14, 13,5, 2 тонны. Все они железные. Среди каменных такие крупные не встречаются — самый крупный весит немного больше 300 килограммов.

Нередко метеориты во время движения в земной атмосфере не выдерживают давления воздуха и раскалываются на большое число кусков, выпадая на землю каменным дождем. Такие дожди бывают довольно часто. Самый обильный метеоритный дождь выпал в США 19 июля 1912 года; после него было собрано 14 тысяч камней. Общим весом в 218 килограммов. В нашей стране после метеоритного дождя, выпавшего 26 декабря 1933 года в Ивановской области, собрано свыше 100 камней, общим весом около 65 килограммов.

Очень редко, может быть, один раз в тысячелетие, на землю падают огромные метеориты, весящие несколько десятков тысяч тонн. Они пробивают всю толщу земной атмосферы и производят сильный взрыв. На месте удара образуется кратер — округлая яма, — а самый метеорит почти целиком превращается в раскаленный газ; от него остаются только небольшие осколки. На всём земном шаре известны девять таких кратеров. Самый большой из них, диаметром 1207 метров, а глубиной около 170 метров (рис. 4), находится в США. Метеорит, образовавший этот кратер, по подсчётам астрономов, первоначально должен был весить не менее 100 тысяч тонн. Другой из таких кратеров находится в нашей стране, на острове Саарема (Эзель) в Эстонской ССР. Его диаметр равен 110 метрам. В глухой сибирской тайге на-

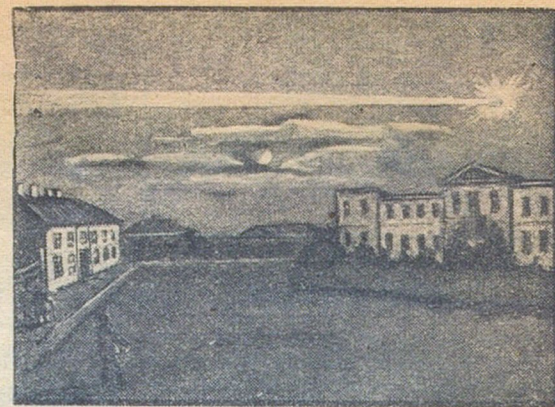

Рис. 2. Болид, наблюдавшийся вечером 6 сентября 1918 года в Саратовской области, где и был потом найден упавший каменный метеорит.

ходится место падения так называемого Тунгусского метеорита. Этот метеорит, упавший 30 июня 1908 года, должен был весить не менее 2 тысяч тонн. При падении его взрывной волной сплошь повален лес на площади до тысячи квадратных километров.

Многочисленные анализы метеоритов показали, что все они состоят из химических элементов, известных на Земле.

В основном железные метеориты состоят из железа, которое составляет в них в среднем 91%; в них встречается никель до 8,5%, ещё меньше — кобальт, фосфор, сера и некоторые другие элементы. В каменных метеоритах основными элементами являются: кислород (в соединении с другими элементами) — 36%, железо — 25,6%, кремний — 18%, магний — 14%, алюминий — 1,5%, никель — 1,4%, кальций — 1,3% и др. Редкие элементы и драгоценные металлы присутствуют в метеоритах в ничтожных количествах. Так например на одну тонну веществ приходится: платины — 20 граммов, серебра и золота — по 5 граммов, осмия — 3 грамма и т. д.

В метеоритах встречаются и такие соединения элементов — минералы, — которых на Земле не бывает. Объясняется это тем, что образование метеоритов происходило при иных условиях, чем те, при которых образовалась земная кора. Поэтому детальное изучение состава и структуры метеоритов имеет огромное научное значение.

Оно позволяет изучать образование вещества при таких условиях, которых мы не можем создать в наших лабораториях.

Метеориты тщательно собираются и бережно сохраняются в специальных коллекциях, подвергаясь всестороннему изучению. Самая крупная в нашей стране и одна из лучших коллекций в Европе — это метеоритная коллекция Академии наук СССР. Она насчитывает больше 1200 образцов, общим весом свыше 2 тонн. Эта коллекция помещена в Геологическом музее Академии наук СССР и доступна для всеобщего обозрения.

Центральным научным учреждением в нашей стране, специально занимающимся сбором и изучением метеоритов, является Комитет по метеоритам Академии наук СССР. Этому Комитету следует присылать по адресу: Москва, 17, Старомонетный переулок, 35, комната 142 — все сообщения о наблюдавшихся болидах и падениях или находках метеоритов. За передачу Комитету метеоритов выдаётся денежная премия. Всем желающим Комитет высылаёт бесплатно специальные инструкции для наблюдения болидов.

Рис. 3. Самый крупный в мире железный метеорит «Гоба», весом около 60 тонн. Найден в 1920 году в Африке.

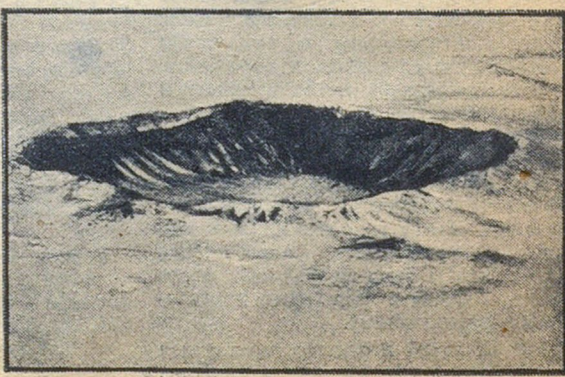

Рис. 4. Метеоритный кратер Каньон Диабло в США. Диаметр кратера — 1207 метров. Снимок сделан с самолёта.

ФУРУНКУЛ

Евг. Бермонт

Рисунок Б. Фридкина

У меня на шее вскочил фурункул. Если бы я знал, источником каких бедствий станет этот скромный на вид нарывчик, он был бы безжалостно раздавлен моей собственной рукой.

Но будущее, как известно, таится в мгле. И я не только не раздавил фурункул, а, наоборот, с предельной тщательностью упаковал его в вату и бинты, точно собиравшись отправить почтовой посылкой куда-нибудь, не ближе Владивостока.

Путь мой в редакцию лежал мимо большого кирпичного Дома композиторов, все двенадцать этажей которого были сплошь заселены Моцартами и Сальери.

Как раз, когда я поровнялся с гранитным подъездом этого величественного здания, оттуда вышло сразу два Сальери: один был широко известен своими маршами, другой — песнями.

— Что это у вас такое? — спросил маршевик, заметив мою скривлённую голову и белую повязку на шее.

— Фурункул, — охотно, даже с некоторой гордостью сообщил я.

Люди очень любят кичиться всем тем, что есть у них и отсутствует у окружающих: платьем, хорошей квартирой, славой, красивой женой, даже красивым кавалером красивой жены.

Поскольку фурункул сидел именно на моей шее, а у собеседников такого украшения не было, я и почувствовал себя таким вполне заслуженным фурункулезцем.

— Надо срочно сделать переливание крови, — посоветовал маршевик.

— Ерунда! — вмешался песенник, оттаскивая меня к себе. — Плюньте на врачей. Я вам дам рецепт... Столовая ложка йода на стакан крепкого чая. Пейте двенадцать стаканов в

день. Через неделю забудете, что у вас когда-то был фурункул.

Маршевик громко расхохотался и в свою очередь рванул рукав моего пиджака.

— Бабское средство, — сказал он, убедившись, что рукав пришит крепко. — Сегодня же сделайте переливание и не меньше литра...

— Не давайте, голубчик, себя мучить! — испугался песенник. — Знаем это переливание! Вот моему двоюродному брату тоже сделали переливание крови, а на другой день от него ушла жена. И ушла-то как раз к тому врачу, который рекомендовал переливание...

И считая, что после такого сообщения губительность переливания стала всем очевидна, он добавил:

— А вы пейте чай с йодом. 12 стаканов в день... Верное средство. У моего дедушки были страшные фурункулы, и он только этим и спасся.

— И совсем прошли?

— Совсем.

— И больше с тех пор не появлялись?

— Нет. 30 лет не появлялись. Как дедушка умер в 1915 году, так и фурункулы исчезли. Я вам говорю, верное средство!

— Верное средство — только переливание крови, — упрямо твердил маршевик.

Я с трудом вырвался от них.

В трамвае было совсем немного пассажиров и даже имелись свободные для сидения места. Какая-то кроткая старушонка покосилась на мою повязку и участливо осведомилась:

— Чирей?

— Фурункул, — поправил я, чувствуя, что в переводе с латинского моя болезнь сразу теряет свою значительность.

— А вы бы, молодой человек, сходили в амбулаторию, там резанули бы

разок-другой — и делу конец. Чего так мучиться?

Этот совет вызвал гул возмущения в трамвае. На участливую старушку накинудись так, точно она предложила мне, по крайней мере, питаться бутербродами с битым стеклом.

— Вы, бабушка, молчали бы, если не знаете! — сердито рявкнула дама, у которой где-то на переносице торчал кусок войлока, изображающий модную шляпу. — Разве можно фурункулы резать? Их надо упорно лечить, прогревать кварцем, облучать...

— И никакой кварц тут не поможет, — перебил её мужчина с портфелем. — Есть только одно радикальное средство. Возьмите, товарищ, отвар конопляного семени и на ночь прикладывайте к правому уху.

— К левому, — поправила кондукторша, отрываясь от билетных рулонов.

— К правому.

— А я говорю, к левому, — настаивала кондукторша. — У моей соседки в прошлом году невестка этим самым страдала, так только к левому уху и прикладывала.

— А вы бы лучше сдачу давали, а не медицинские советы, — неожиданно озлился мужчина с портфелем.

Кондукторша обожгла его ненавидящим взглядом и сразу перешла на «ты», точно они только что породнились или выпили на брудершафт:

— А вот я сейчас свистну милиционера и высажу тебя из вагона, чтобы не смущал пассажиров. Также гемопат нашёлся!

На остановке появился пожилой милиционер в очках и спросил, что здесь происходит.

— Да вот этот гражданин влез сюда со своими фурункулами, — вдруг заявила кондукторша, тыча пальцем в мою сторону, — и всех пассажиров взбудоражил.

— С фурункулами надо с передней площадки, — наставительно сказал милиционер, должно быть, считая фурункулы каким-то особым видом громоздких чемоданов, вроде кофров.

Пассажиры опять загалдели. И все показывали на меня. Правильно ориентироваться в условиях трамвайного скандала было так же немисливо, как в сибирской тайге при сибирской пурге.

Поэтому милиционер приказал:

— Сходите, гражданин. Забирайте свои саквояжи или фурункулы, как их там, и сходите. Не задерживайте движения...

Я не люблю задерживать движения и покорно сошёл. И только, когда трамвай уже давно ушёл, милиционер, наконец, прорник в суть инцидента и моментально включился в консилуум, обсуждающий моё лечение.

— Припарки пробовали? — деловито осведомился он.

— Нет, не пробовал.

— И хорошо делали. Идите прямо к гомеопату...

— Да ну его! — отмахнулся я. — Даст шесть одинаковых бутылочек, и разбирайся целый день, из какой бутылочки капать до обеда, а из какой — после ужина.

Но милиционер горячо запротестовал против такой профанации гомеопатической медицины.

— Напрасно, напрасно, товарищ! Очень рекомендую сходить к Проходкину. Он обычно даже не требует, чтобы капли пили. Достаточно только перед едой внимательно смотреть на бутылочку, а после еды — на пробочку. Очень помогает...

Юмор

ВМЕСТЕ СНОВА

Ал. Прокофьев

Будь здорова, черноброва,
Ясная, нездешняя,
Мы с тобою вместе снова,
Молодая, вешняя.

Вспомним, что ль, как дни
летели

Тропками да стёжками,
Наши ландыши звенели
Белыми серёжками.

Нас поляны понимали,
Нами рощи славилась,
Нам черёмухи кивали,
Нам рябины кланялись!

Будь здорова, черноброва,
Ясная, нездешняя,
Мы с тобою вместе снова,
Молодая, вешняя!

Домой я пробирался тихими, боковыми переулочками, избегая встреч со знакомыми, владеющими различными чудодейственными рецептами лечения фурункулёза.

Но и дома не было покоя. Жена требовала, чтобы я пил пивные дрожжи, рыбий жир и соус Кабуль, а теща настаивала на нутряном сале, причём единственным терапевтическим доводом в пользу нутряного сала было то, что оно «безумно дорого».

От всех волнений у меня к вечеру поднялась температура, и пришлось вызвать врача. Он пришёл на следующий день, когда всякие следы вчерашнего недомогания исчезли.

— На сегодня так и быть дам бюллетень, а завтра пожалуйста работать, — строго сказал врач и вынул из кармана ручку.

— Да мне бюллетень не нужен, — объяснил я.

— Зачем же вы меня вызывали? — удивился он.

— Как зачем?! А фурункул?

Доктор искоса взглянул на шею и пошёл одеваться.

— Что же вы мне всё-таки посоветуете, доктор? — закричал я, высовывая голову в коридор. — Что же будет с фурункулом?

— С фурункулом? — философски переспросил доктор, пожав плечами. — Пройдёт.

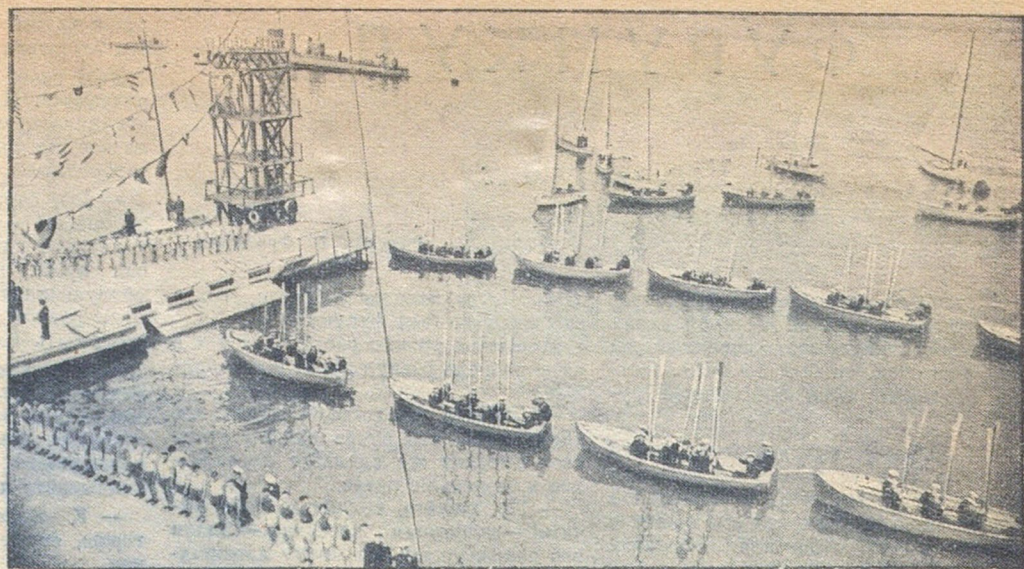
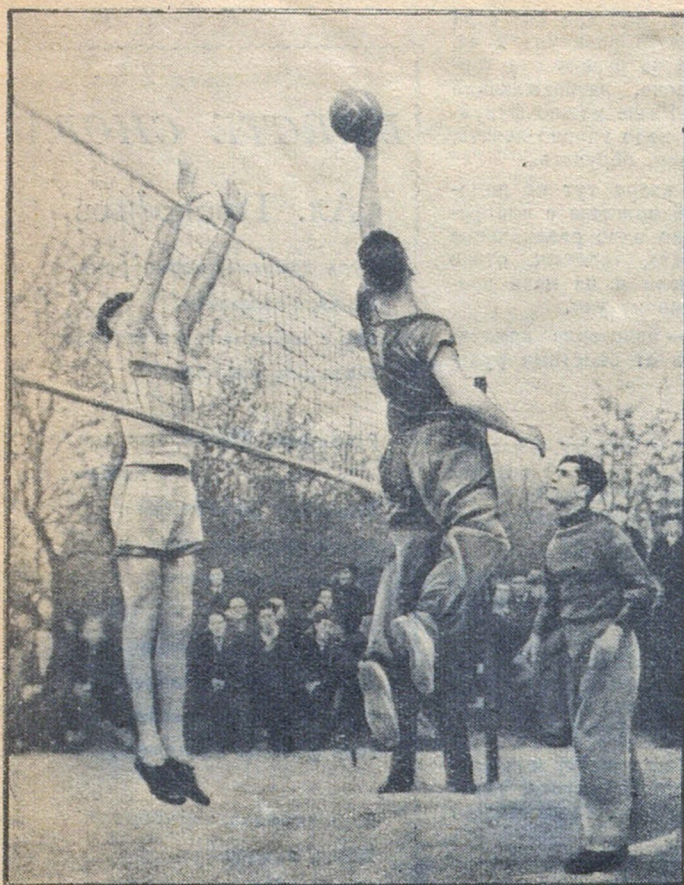
И хлопнул дверью.

Это был единственный человек, который не дал мне ни одного рецепта лечения фурункула.

Кроткая старушонка участливо осведомилась: — Чирей?

СПОРТ

ФИЗКУЛЬТУРНЫЙ ПРАЗДНИК В СЕВАСТОПОЛЕ. Впервые после четырёх лет войны тысячи физкультурников вышли на улицы города-героя. 27 мая здесь состоялся торжественное открытие восстановленной водной станции и большой спортивный праздник. Праздник начался массовым кроссом имени «Комсомольской правды». Затем краснофлотцы продемонстрировали массовые вольные движения. В это же время проходили соревнования по волейболу и баскетболу между командами флота и командами Симферополя. В 3 часа дня на водной станции начался парад спортивных команд. С краткой речью выступил командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский. На снимке: парад шестёрок перед началом гребно-парусных гонок.

Фото А. Соколенко.

ТУРНИР ПО БАСКЕТБОЛУ И ВОЛЕЙБОЛУ состоялся недавно в московском Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Эти виды увлекательного массового спорта пользуются большой популярностью среди нашей молодёжи. В конце лета и осенью будут проведены розыгрыши первенства СССР по волейболу и баскетболу. Спортсмены уже начали подготовку к этим соревнованиям. На нашем снимке: встреча волейболистов «Динамо» и «Локомотива».

Фото Н. Волкова

Знаете ли вы...

...что когда В. И. Немирович-Данченко обратился к К. С. Станиславскому с предложением создать театр, они не были знакомы, но знали друг о друге? Станиславский ставил одну из пьес Немировича-Данченко, а последний выступал в печати с защитой Станиславского от грубых и несправедливых нападок.

...что первоначально Московский Художественный театр назывался Московским художественно-общедоступным театром и что открытие его состоялось 14 октября 1898 года трагедией А. К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович», пролежавшей под цензурным запретом 25 лет и разрешённой специально для Художественного театра?

...что первое представление «Чайки» в Художественном театре состоялось 17 декабря 1898 года, причём пьеса, как писали, имела колоссальный успех?

...что 15 апреля 1900 года состоялась встреча Немировича-Данченко с М. Горьким в Ялте, на даче Чехова, во время которой Горький обещал написать для театра две пьесы?

...что в письме к Чехову

А. М. Горький так отзывался о Художественном театре: «Художественный театр — это также хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и всё самое лучшее в Москве. Не любить его невозможно, не работать для него преступление, ей-богу!»

...что встреча М. Горького с Художественным театром имела огромное значение для театра и для писателя? В. И. Немирович-Данченко свидетельствует, что приход Горького в МХАТ — «крупнейшее событие в его истории». 4 марта 1902 года были поставлены «Мещане» Горького, а 18 декабря 1902 года — «На дне». Многие из участников последнего спектакля утверждали свою славу исполнением горьковских ролей. 24 октября 1905 года состоялась премьера «Детей солнца».

...что 11 декабря 1905 года, в период героической борьбы рабочих Пресни, театр прекратил спектакли, а в помещении театра был устроен лазарет? Несмотря на приказ возобновить спектакли театр решил работы не возобновлять и уехать за границу на гастроли.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ТОБОЛЬСКЕ

В Тобольском архиве находится дело о Н. Г. Чернышевском. В деле содержатся документы о провозе в 1864 году Чернышевского через Тобольск на место ссылки — в Восточную Сибирь.

Как видно из документов, Чернышевский по прибытии сразу же был заключён в «секретную камеру подсудного корпуса». Никто из посторонних к нему не допускался, приезд его хранился в глубокой тайне.

Когда Чернышевский выразил желание следовать дальше за свой счёт на обязательских лошадях, отдельно от арестантской партии, против этого восстал тобольский губернатор. Он предписал отправить Чернышевского в Иркутск за счёт казны на почтовых и в сопровождении двух жандармов.

Эту предосторожность губернатор объяснил так:

«Известное значение Чернышевского в литературе, которое доставляет ему много поклонников, преимущественно из людей молодых,

способных к увлечению всякого рода — делало отправление его в дальний путь не с достаточной скоростью и с продолжительными остановками, крайне неудобным».

ПЕРВЫЕ СТЕКОЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ В РОССИИ

До царя Михаила Фёдоровича стекольного производства на Руси не было. Стекланные вещи привозились из-за границы, считались большой редкостью и стоили очень дорого. Желая отстроить Москву после разрухи Михаил Фёдорович выписал из-за границы разных мастеров. В 1635 году недалеко от Москвы был построен первый русский стекольный завод.

Вообще же стекольное производство в России начало быстро развиваться только при Петре I. Русские молодые люди отправлялись на иностранные заводы для обучения стекольному производству. Всякие пошлины со «стекольного дела» в России отменялись. На Воробьёвых горах, около Москвы, был построен большой казённый

стекольный завод. Начали возникать стекольные заводы и в других местах нашей страны.

Производством стекла очень интересовался Ломоносов. Он сам изготовлял в своей лаборатории разные стекла, бисер и стекларус. Императрица Елизавета Петровна пожаловала Ломоносову землю и 4 тысячи рублей на постройку стекольного завода.

ФРАНЦУЗСКИЙ ШЛЕМ НА ЧУКОТКЕ

В Дальневосточном музее краеведения, в Хабаровске, хранится металлический шлем, сделанный из 18 узких пластинок, скреплённых звериными жилами. В верхние углы пластинок искусно вделаны бронзовые монеты с рельефным изображением Людовика XVII. Этот шлем был обнаружен в одном из районов Корякского национального округа.

До сих пор не удалось точно установить, каким путём шлем попал на Чукотку. Существуют предположения, что он был завезён в Арктику первыми китобоями-французами.

Шахматы

Под редакцией мастера Н. Зубарёва

В проходящем 14-м первенстве Советского Союза по шахматам, за немногим исключением, участвуют все сильнейшие шахматисты нашей страны, в том числе многократный чемпион СССР прославленный Михаил Ботвинник. Приводимая ниже партия играна им в 1936 году в международном турнире в Ноттингэме (Англия), в котором участвовали все сильнейшие шахматисты того времени.

Ботвинник разделил в этом турнире вместе с Капабланкой первое и второе места, не проиграв ни одной партии.

ПАРТИЯ

Ферзевый гамбит

Ботвинник
(белые)

1. c2 — c4
2. Kgl — f3
3. d2 — d4
4. Kbl — c3
5. Ccl — g5
6. e2 — e3
7. Cfl — d3
8. 0 — 0
9. e3 : d4
10. Cd3 : c4

Видмар
(чёрные)

- e7 — e6
- d7 — d5
- Kg8 — f6
- Cf8 — e7
- 0 — 0
- Kb8 — d7
- c7 — c5
- c5 : d4
- d5 : c4
- Kd7 — b6

Этот путь развития слишком медленный и, кроме того, чёрные без нужды уступают противнику важный пункт e5. Более активно выпадает продолжение 10. ... a6 со следующими возможностями: 11. a4, Фа5 и затем Lfe8, Kf8, Cd7 и т. д.

11. Cc4 — b3
12. Фd1 — d3
13. Kf3 — e5
14. Лal — d1

В то время как белые фигуры развиваются вполне гармонично, чёрные вынуждены прибегать к вынужденным манёврам и терять драгоценное время:

15. Фd3 — h3
16. Kc3 : d5
17. f2 — f4

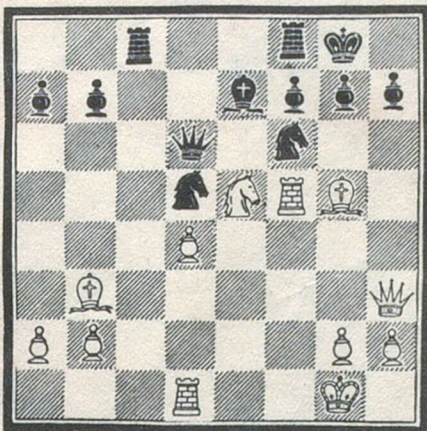
Сильный атакующий ход, против которого чёрным трудно найти достаточную защиту.

17. ...

Попытка предупредить дальнейшее движение белой пешки f ни к чему не приводит. Например 17... g6, 18. Ch6, Le8; 19. g4! с дальнейшим продвижением пешек.

18. f4 — f5
19. Lf1 : f5

Чёрные не замечают скрытой угрозы белых и сразу попадают в проигрышное положение.

20. Ke5 : f7!!

Эффектный удар, сразу вскрывающий слабые позиции чёрных. Они вынуждены принять жертву, так как на любой отход ферзя последует 21. C : f6 с быстрым выигрышем.

20. ...
- Если 20. ... Kp : f7, то 21. c : f6 и Л : d5
21. Cg5 : f6
- Если 21. ... K : f6, то 22. Л : f6 и ладья c8 находится под ударом.
22. Lf5 : d5
23. Ld5 — d6
24. Ld6 — d7

- Cc6 — d5
- Kb4 : d5
- ...

- Ла8 — c8

- e6 : f5
- Фd8 — d6?

Чёрные сдались.

Шахи

Под редакцией мастера Г. Торчинского

ПАРТИЯ

М. Магазинер

(белые)

Игрена в городе Молодове в 1945 году

Н. Шулейко

(чёрные)

1. c3 — d4
2. b2 — c3
3. c3 — b4
4. b4 : d6
5. d2 — c3

Здесь продолжают также 5. g3 — h4 f6 — e5; 6. d4 : f6 (или h4 : f6) g5 : e7 и т. д.

5. ...
6. cl — b2

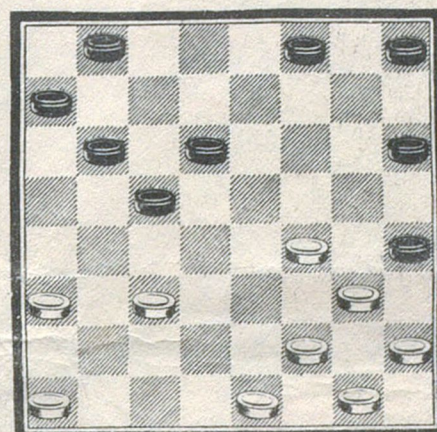
Неплохо и 6. ... h8 — g7; 7. c3 — b4 d8 — e7; 8. b4 : d5 c7 : c3 и т. д. с равной игрой.

7. c3 — b4
8. b4 — a5
9. a5 : c7

- d6 — c5
- f6 — g5
- g7 — f6
- e7 : c5
- ...

- g5 — h4
- c7 — d6

- f6 — g5
- d6 — e5
- d8 : b6

10. d4 : f6
11. b2 — c3
12. e3 — f4?

- g5 : e7
- e7 — d6
- ...

- Новый ход! Обычно здесь играют
12. e3 — d4
12. ...

- Не допуская размена на e5
13. a1 — b2
14. f4 — e5

Единственное. На 14. c3 — b4 последовало бы b6 — a5; 15. b2 — c3 c5 — d4 и т. д. с выигрышем. Белые хорошо рассчитали последствия своего 12-го хода.

14. ...
15. g3 : e5
16. e5 — d6

Лучше было 16. e5 — f6 g7 : e5; 17. c3 — b4! (Нельзя 17. a3 — b4 из-за 17. ... d4 — e3!; 18. f2 : f6 f8 — e7; 19. f6 : d8 b6 — a5 и т. д.), и белые отыгрывают шашку, так как на 17. ... b6 — a5 последует 18. b2 — c3 d4 : b2; 19. a3 : c1 a5 : c3; 20. a1 — f2 с лёгким выигрышем.

Теперь белые должны играть крайне осмоторительно.

16. ...
17. a3 — b4

Сильнее было 17. ... h4 — g3! 18. h2 : d6 (Проигрывает 18. f2 : h4 из-за b6 — a5 и т. д.) b6 — a5; 19. c3 : e5 a5 : a1 с практическими шансами на выигрыш.

18. f2 — g3
19. g1 : c5
20. b2 — a3
21. c3 — d4!
22. b4 : d2
23. c5 — d6
24. h2 — g3

Если 24. ... f6 — e5, то 25. g3 — h4 с последующим 26. h4 — g5, 27. d2 — e3 и т. д. с ничьей.

25. g3 — h4
26. cl — f2
27. f2 — e3
28. h4 : f2
29. f2 — g3

Иначе последовало бы 30. e3 — f4 c5 — d4; 31. f4 — e5 d4 : f6; 32. g3 — f4 с выигрышем.

30. e3 — f4
31. f4 — e5
32. e5 — d6

d4 — e3
e3 : cl
Ничья.

КРОССВОРД

Составила читательница «Огонька» В. Коровина

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Цирковой актёр. 3. Сказка, легенда. 5. Вид транспорта. 7. Звание. 8. Детская болезнь. 10. Приток Волги. 11. Казахский народный поэт-певец. 12. Действие. 14. Растение. 16. Самоуверенность. 18. Французский физик. 19. Город в СССР. 21. Сборник снимков, рисунков. 23. Спортивная принадлежность. 25. Повесть М. Горького. 26. Званный вечер. 30. Белорусский писатель. 31. Птица. 32. Животное. 33. Растение. 34. Загадка.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Птица. 2. Условное изображение звука на бумаге. 3. Ягода. 4. Размер книги, листа. 5. Насекомое. 6. Музыкальный инструмент. 7. Город в СССР. 9. Столица государства в Азии. 13. Список с подлинника. 14. Повар на корабле. 15. Участок с плодовыми деревьями. 16. Порода попугаев. 17. Ажуртаж. 20. Площадка для спортивных игр. 22. Бумага для официальной переписки. 23. Мужское имя. 24. Верхняя часть дома. 25. Модель. 27. Одна из основных мыслей доклада, сочинений. 28. Химическое вещество. 29. Река в Европе.

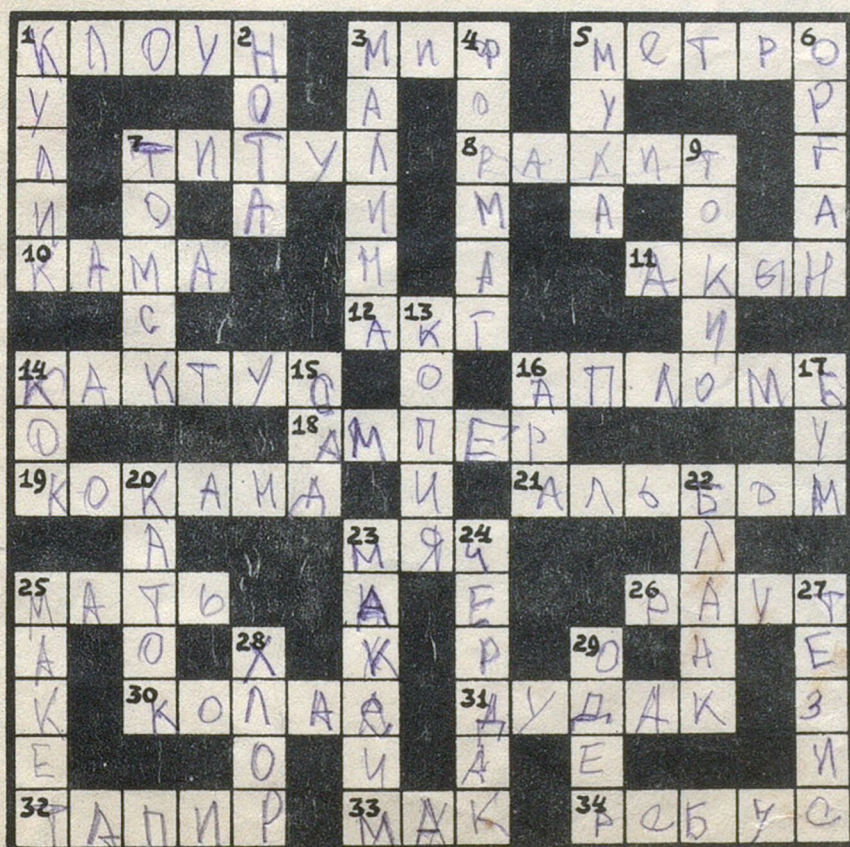
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 23 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Перегон. 6. Семафор. 9. Ватикан. 11. Баланс. 12. Кат. 14. Аравия. 16. Труд. 17. Опал. 18. Еда. 19. Мец. 20. Арава. 21. Бра. 23. Корнет. 24. Станица. 26. Дуэт. 29. Фузияма. 33. Сад. 35. Спор. 37. Он. 39. Ра. 40. Оси. 42. Кот. 43. Оргия. 44. Синод. 45. Ива. 46. Олег. 48. Ил. 50. Ми. 51. Арык. 53. Ява. 55. Муштафа. 57. Окарь. 58. Пароход. 62. Талант. 64. Асс. 66. Пижма. 68. Пир. 69. Мир. 70. Град. 72. Юнга. 73. Нансен. 74. Кат. 76. Вричка. 77. Фортуна. 78. Ноктюрн. 79. Кантата.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Селитра. 2. Самолёт. 4. Клад. 5. Плазма. 6. Система. 7. Ара. 8. Реакция. 9. Виадук. 10. Трио. 11. Булава. 12. Краб. 13. Тема. 15. Япония. 22. Рукав. 24. Сарказм. 25. Иго. 27. Ус. 28. Ад. 30. Зис. 31. Ашхабад. 32. Ногги. 34. Канн. 35. Сто. 36. Рог. 38. Нил. 39. Рим. 40. Ода. 41. Пик. 47. Ена. 49. Аванс. 52. Рур. 53. Як. 54. Ар. 56. Султан. 59. Хижина. 60. Папанни. 61. Барабан. 62. Тугунок. 63. Треска. 64. Арак. 65. Смит. 66. Прииск. 67. Красота. 71. Даву. 72. Юкон. 75. Акт.

Я ОБЕСПЕЧИЛА СЕБЯ И СВОЕГО РЕБЕНКА ПОЛИСОМ ПО СМЕШАННОМУ СТРАХОВАНИЮ ЖИЗНИ

ПО СМЕШАННОМУ
СТРАХОВАНИЮ ЖИЗНИ

ГОССТРАХ
выплатит
СТРАХОВУЮ СУММУ:
самому
застрахованному

ДО ОПРЕДЕЛЕННОГО ВОЗРАСТА; ПРИ ИНВАЛИДНОСТИ
ПРОИСШЕДШЕЙ ОТ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ;
себе и близким —
В СЛУЧАЕ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СМЕРТИ ЗАСТРАХОВАННОГО.

Для заключения страхования
и за всеми справками
обращайтесь в инспекции
ГОССТРАХА
и к СТРАХОВЫМ АГЕНТАМ